

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
НА ФРОНТЕ**

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

1941:

ВРЕМЯ КРОВАВЫХ ПСОВ

Всеволод Залесский

Александр Золотко

1941: Время кровавых псов

«ЭКСМО»

2011

Золотько А. К.

1941: Время кровавых псов / А. К. Золотько — «Эксмо»,
2011 — (Всеволод Залесский)

ISBN 978-5-699-52586-7

Жизнь полна сюрпризов. Отправляясь в магазин за хлебом, студент Всеволод Залесский не мог даже предположить, что случайная стычка с местными отморозками перенесет его напрямик из январского вечера в июльский полдень. Оказавшись нагишом в открытом поле, Сева становится свидетелем нападения самолета на грузовик. В кабине грузовика он находит два трупа в военной форме образца тысяча девятьсот сорок первого года. Но даже это станет далеко не самым удивительным событием в его новой жизни...

ISBN 978-5-699-52586-7

© Золотько А. К., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Золотко

1941: Время кровавых псов

Моему сыну Всеволоду

Meinetwegen! Einer muss der Bluthund werden, ich scheue die Verantwortung nicht.
Gustav Noske

Пожалуй, кто-то же должен быть кровавой собакой. Я не стыжусь ответственности.
Густав Носке

Глава 1

31 июля 1941 года, 00 часов 30 минут.

Западный фронт

– Товарищ военинженер первого ранга! – Лейтенант охраны тронул Егорова за плечо. – Товарищ...

– Что?! – Егоров резко обернулся к лейтенанту, и тот отшатнулся, рассмотрев выражение лица военинженера. – Ты не видишь, что я...

– Вижу. Извините, но на КПП капитан требует встречи с вами...

– Объясни капитану, что...

– Я объяснял. – Лейтенант виновато переступил с ноги на ногу. – Но он предъявил документы... Там особые полномочия... Требует, не кричит, но сказал, что...

– Да куда же ты прешься! – закричал Егоров, бросаясь к грузовику, отъезжающему от склада. – Куда смотришь?

Военинженер запрыгнул на подножку и ладонью ударил по лобовому стеклу.

– Ты что, не видишь, что там бочки? Мозги просидел? А ты куда смотришь, сержант?

Старший машины начал оправдываться, бормотать, что темно, что без освещения, да еще и с выключенными фарами... но Егоров показал ему кулак, спрыгнул с подножки и бросился к следующему грузовику, подъезжающему под погрузку.

– Что там у нас с графиком? – спросил Егоров у военинженера второго ранга, стоявшего с бумагами в стороне. – Успеваем?

Мовсеян перевел луч фонарика с бумаг на лицо Егорова.

– Я тебе сейчас этот фонарь на голове побью, – пообещал Егоров, заслоняясь рукой.

– Извините, Артем Егорыч. – Мовсеян выключил фонарик. – Еще две машины и это хранилище мы вывезем. Остается третье и шестое. До рассвета – четыре часа, думаю, успеем.

– Ты уж постарайся. – Егоров снял фуражку и вытер бритую голову платком. – Жарко.

– Товарищ военинженер первого ранга...

Егоров обернулся к лейтенанту.

– Капитан говорил – вопрос государственной важности...

– Откуда капитан?

– Артиллерист. Имеет особые полномочия, и там всем предписывается содействовать...

– Ашот Гамлетович, – Егоров вздохнул и оглянулся на Мовсеяна: – Вы тут сами справитесь? Похоже, проще потратить на гостя несколько минут...

– Все в порядке, сейчас мы закончим здесь и перейдем к шестому. – Мовсесян включил фонарик и пошарил лучом по стене склада. – Я вот только начкара найду, скажу, пусть часового там снимает.

– Где капитан? – спросил Егоров лейтенанта.

– На КПП, где ж еще, – ответил лейтенант. – Я бы ни в жизнь не стал вас отвлекать, но бумаги...

– Бумаги, бумаги... – проговорил Егоров. – Куда же мы без бумаг... Если бы все бумаги, что я написал за время службы, мы сбросили на головы германцев, война бы уже закончилась...

«Кстати, о германцах», – подумал Егоров и посмотрел на небо. Звездное, чистое июльское небо. Погода обещает завтра... уже сегодня быть ясной. И это значило, что если машины не попадут на станцию до рассвета, то они могут вообще туда не попасть. И это было не просто плохо, это могло стать катастрофой.

Если бы можно было включить на территории складов свет! А так остается работать на ощупь. Одна машина протаранила постовую будку на выезде, вторая вломила в проволоочное ограждение, и пришлось менять четыре ската...

Егоров испытал сильное желание вернуться к хранилищам, наплевав на капитана с широкими полномочиями, но решил, что хуже не будет.

– Кто? – спросил Егоров, входя на КПП.

– Капитан Сличенко! – Капитан отковырял Егорову и протянул сложенный вчетверо лист бумаги.

Егоров взял со стола лампу «летучая мышь», поднял, чтобы рассмотреть лицо капитана, потом прочитал предписание, в котором говорилось, что капитан Сличенко имеет очень большие права, потребовал удостоверение личности.

Все вроде бы было в порядке.

– Я вас слушаю, – сказал Егоров, вернув документы.

– Если можно – не здесь, – капитан обвел взглядом комнатенку КПП. – Информация секретная.

Егоров вздохнул – получалось, что быстро отделаться от визитера не получится.

– Ладно, следуйте за мной. – Егоров двинулся к выходу и тут вспомнил вчерашнюю информацию особиста о немецких диверсантах.

– Лейтенант, пошлите с нами бойца, – приказал Егоров и подождал, стоя у КПП, пока к нему подбежал караульный. – Вы уж извините, товарищ капитан.

– За что? – удивился капитан Сличенко. – Позавчера меня чуть не подстрелил комендантский патруль. Им показалось, что у меня слишком новое обмундирование.

– А у вас новое обмундирование? – спросил Егоров.

– Им так показалось, – засмеялся Сличенко. – Но после того как мне пришлось полежать на земле, пока они проверяли мои документы, обмундирование перестало казаться новым.

– Осторожно, – предупредил Егоров, – тут у нас везде нарыты щели и окопы. Держитесь ближе к стене...

Из темноты вынырнул красноармеец, чуть не налетел на Егорова.

– Товарищ военинженер первого ранга, товарищ военинженер второго ранга просили уточнить, в каком порядке грузить?

– А передай товарищу военинженеру второго ранга, что все уже расписано. И все у него есть, пусть посмотрит в бумагах. – Егоров отодвинул бойца и взбежал на крыльцо канцелярии.

Дверь была распахнута, ни часового, ни дежурного не было – все были брошены на погрузку.

Приказав караульному оставаться снаружи, военинженер вошел.

Не зажигая света, Егоров пробрался в свой кабинет, на ощупь убедился, что окно закрыто светомаскировкой, и только после этого щелкнул выключателем настольной лампы.

– Присаживайтесь, товарищ капитан. – Егоров указал рукой на стул. – И, если возможно, давайте быстрее. Совершенно нет времени. Нам нужно за восемь часов сделать то, что в обычное время требовало неделю.

Капитан сел на стул, снял фуражку и положил ее на стол.

– Обычное время... – задумчиво протянул Егоров. – В обычное время я любого, кто попытался бы отдать распоряжение вывозить оружие таким способом и в таких условиях, обвинил во вредительстве и послал бы ко всем чертям.

Егоров открыл ящик стола, достал пачку «Казбека», закурил, поискал глазами пепельницу, спохватился и махнул рукой. Завтра все это должно сгореть. Все должно сгореть.

– Курите. – Егоров подвинул пачку капитану.

– Нет, спасибо! – Сличенко достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги и положил его на стол перед Егоровым.

– Еще одно предписание? Особо важное? – осведомился Егоров и стряхнул пепел с папиросы прямо на пол.

– Это перечень того, что мне нужно, – ответил капитан. – Там всего один пункт, но...

– Один пункт... – протянул Егоров. – Вы мне еще раз свои документы покажите, товарищ капитан.

– Что-то не так? – Сличенко достал свои документы и положил рядом с бумагой.

– Даже не знаю... – Егоров усмехнулся и демонстративно почесал в затылке. – На вид – вы кадровый военный... Но вы ведь должны знать, что существует определенный порядок... особенно в нашем случае... мы ведь, простите, не тушенку здесь храним.

– Я знаю, – сказал Сличенко. – Но обстоятельства...

– Обстоятельства... Обстоятельства, товарищ капитан, придуманы для оправданий... и не более того. – Егоров вздохнул, отодвинул документы и взял листок. – Люди все это придумали, чтобы...

Егоров развернул бумагу, прочитал. Кашлянул, будто что-то застряло у него в горле.

– Вы соображаете, что просите? – через секунду спросил он у капитана и загасил окурочку прямо о крышку стола.

– Более-менее, – спокойно ответил капитан. – А что я еще мог у вас просить?

– Ну... – Егоров еще раз взглянул на бумагу. – Там, бензин, патронов, ту же самую тушенку, в конце концов. У меня здесь остается куча провизии между прочим.

– Тушенка мне не нужна, – сказал Сличенко.

– Я вижу, вижу... – Егоров осторожно положил бумагу на стол. – А мы ведь с вами знакомы...

– Павлоградский полигон, первого августа тридцать восьмого. – Сличенко еле заметно улыбнулся. – Я тогда был лейтенантом, сопровождал генерала...

– Да-да, я помню. И это, вы полагаете, дает вам право требовать...

– Просить. И не это дает мне право, а обстоятельства...

– Ладно, предположим... – Егоров положил ладонь на бумажный листок. – Я сошел с ума, произошло чудо, и вы получите требуемое... В карманах, извините, понесете?

– Мне понадобится все это вместе с машинами, – спокойно сказал капитан.

– Я понял, вы – сумасшедший.

– К сожалению – нет. Я – командир батареи реактивных минометов. И уже это – секретная информация.

– Это что-то меняет?

– Это – нет. Но в этих краях только у вас есть нужное мне. И я это получу.

– И вы это получите... Возьмете штурмом? Других способов я не вижу. Можете попытаться еще мне угрожать, но это тоже бессмысленно. – Егоров закрыл глаза и потер переносицу. – Я дико устал. Я не сплю вторые сутки. Я чуть не расстрелял сегодня человека только

за то, что тот попросил разрешения сбегать в соседний поселок к жене. И я совершенно не расположен...

Егоров оперся руками о стол, собираясь встать.

– Выслушайте меня, пожалуйста, – тихо сказал капитан Сличенко. – Просто выслушайте. Я понимаю, что вы не имеете права, но...

– Хорошо. – Егоров откинулся на спинку стула. – У вас есть десять минут.

Капитан говорил пять минут. Егоров слушал, не перебивая.

И молчал даже после того, как закончил говорить Сличенко. Молча достал папиросу и молча закурил. Встал, прошелся по комнате, скрипя половицами.

– И вы полагаете себя умнее командования? – спросил наконец Егоров. – Генштаба, наркома обороны? Генерального секретаря, в конце концов... Вы умнее их всех?

– Нет, не умнее, – ответил Сличенко. – Но у меня появилась возможность сделать что-то... Что-то важное и значимое. И я...

– И вы пойдете под суд, если даже останетесь в живых. И вы сейчас даже представить себе не можете, чем все это закончится. И чего будет стоить.

– Но кто-то же должен взять на себя ответственность, – возразил Сличенко. – Кто-то, кто готов...

– Ну да, Наполеон при штурме Тулона... Потом еще пушки на улицах Парижа...

– Я не хочу быть императором, если вы намекаете на это. Я хочу остановить лавину, которая катится...

– Я читаю газеты и слушаю радио, – кивнул Егоров, – не нужно патетики.

– Это не патетика! Не патетика! Неужели вы не задумывались, отчего это мы даже не пятимся от границы – катимся? Вы знаете, что творится на фронте? Вы не видели, как тысячи красноармейцев просто бросают оружие при приближении немцев и поднимают руки. Тысячи, десятки тысяч... – Сличенко встал. – А я видел! И я понял, что пока мы не станем драться изо всех сил, пока мы не докажем всем – себе в первую очередь, что мы готовы сражаться любыми средствами и до конца, ничего не получится. Ничего. Минск, Смоленск мы потеряли. Киев пока держится, но надолго ли? Немцы на подступах к Ленинграду, вся Прибалтика уже оккупирована. Чего ждать? Чего, я вас спрашиваю, ждать?

Егоров потер лоб.

– Не знаю... Я привык выполнять приказы...

– Павлов тоже привык выполнять приказы, – глухо сказал Сличенко. – Это его спасло? Это спасло Западный фронт? Вы же читали приказ о смертной казни?

– Читал...

– И что?

– Не знаю...

– А я – знаю! – выкрикнул Сличенко. – Я – знаю! И вы знаете, только не хотите себе в этом признаться. Я ведь не просто так вас нашел и обратился, я ведь помню разговор с вами тогда, в тридцать восьмом. Вы ведь все четко расставили по своим местам: допустимость, уместность, эффективность – так, кажется?

– Эффективность, уместность, допустимость... – поправил Егоров. – В таком порядке.

– Так добавьте еще необходимость! Необходимость, – по буквам произнес капитан. – На очень короткий отрезок времени вы из чиновника от армии превратились в вершителя, товарищ Егоров. Но завтра, как только вы все погрузите в эшелоны, вы снова сможете только читать и слушать сводки Совинформбюро про то, как части Красной армии нанесли очередное поражение противнику и сдали очередной десяток городов. А я предлагаю...

– Вы предлагаете, насколько я понимаю, привнести в этот ад еще...

– Ад... Вы правильно сказали – ад. Но люди этого пока не поняли, людям кажется, что это всего лишь очередная война, очередной поход супостата на Русь. И можно отступить, пятиться,

страна большая, народу много... А те, что нас давят и уничтожают, уверены, что так будет продолжаться до полной победы. И так будет продолжаться, пока кровь не застынет в жилах от ужаса! Пока они не поймут, что мы готовы на все, понимаете, на все! – теперь Сличенко понизил голос.

Настольная лампа мигнула и погасла.

Последняя фраза капитана прозвучала особенно зловеще. Егоров вздрогнул и поежился.

В сущности, он был согласен с капитаном. Не в том, что тот полагал свой план единственным средством спасения, а в том, что не использовать все виды оружия в смертельной схватке было глупо. Нерационально.

Годы были потрачены на разработку, миллионы рублей и сотни жизней...

И сейчас была возможность проверить на практике то, что он, Егоров и другие, готовил и разрабатывал.

– Три машины? – тихо-тихо спросил Егоров, глядя в темноту.

– Да, нам хватит, – так же тихо ответил невидимый Сличенко, и Егорову показалось, что это не человек ему ответил, а эта самая темнота, которая уже поглотила их обоих. – Солнце встанет около четырех. Я буду ждать в трех километрах по дороге. И постарайтесь не брать много охраны.

* * *

Трава была необыкновенно колючей – это было самым первым, что ощутил Севка, открыв глаза. И солнце – необыкновенно яркое, понял Севка, торопливо глаза закрывая. Он не чувствовал правую руку, совсем не чувствовал. Не мог ею пошевелить, словно сигнал терялся где-то на маршруте «мозг – правая рука». Уходил в землю, например.

Севка лежал на правом боку. Попытался перевернуться на спину, но что-то не пустило. В правом плече возникла боль – не резкая, а какая-то далекая, до нее было никак не меньше километра. Или двух километров.

Севка осторожно приоткрыл глаза – солнце, коварно дожидавшееся этого момента, попыталось снова хлестнуть по зрачкам, но запуталось в ресницах. «Вот так ему и надо», – подумал Севка. И повторил это вслух.

– Так ему и надо, светилу долбаному! – сказал Севка.

Голос получился странный, шершавый какой-то. Будто не пил Севка бог знает сколько дней.

Перевернуться на спину мешала собственная правая рука. Приподняв голову и исследовав свою конечность, Севка обнаружил, что лежит на правом боку, а правая рука завернута назад, за спину. Вот будто Севка был куклой, его выбросила капризная хозяйка, и он валялся никому не нужный никак не меньше недели. Горло пересохло, а рука онемела.

«А еще болела голова», – сообразил Севка, попытавшись встать.

Боль взорвалась в районе затылка и, весело взбаламутив мозги, ударила изнутри в виски. Севка застонал.

К горлу с готовностью подкатилась тошнота, вязкая слюна заполнила рот.

– Ничего себе за хлебушком сходил, – пробормотал свою дежурную фразу Севка и замер, сообразив, что действительно ходил за хлебушком.

...То, что в доме закончился хлеб, Севка выяснил только к девяти часам вечера. Можно было, конечно, махнуть на все рукой и жевать сосиски без хлеба, но сосисок было всего три штуки, на полноценный ужин они не тянули. С хлебом и чаем без сахара тоже получалось не так чтобы мощно, но без хлеба ужин – он же обед – получался совсем диетическим. Поэтому пришлось одеваться и двигаться в сторону ближайшего магазина.

Севка, надев куртку, на всякий случай позвонил своему работодателю. Надеялся, что тот вот прямо сейчас сойдет с ума и скажет, что Севка может подъехать и забрать свое жалование. Надежды не оправдались – работодатель сохранил ясную голову, на жалобный тон Севки не отреагировал, а твердо пообещал, что отдаст деньги через неделю. Не раньше.

«У всех проблемы, – сказал проклятый рабовладелец. – Всем тяжело». И отключил телефон.

«Ясное дело», – пробормотал Севка, выходя из квартиры. Сволочь с семьей только что прилетел из Таиланда, ему трудно возвращаться к работе и мириться с мыслью, что обнаглевший студент будет требовать зарплату за сентябрь. А это наглость, Севочка, требовать зарплату за сентябрь в январе. В конце концов, терпел три месяца, потерпишь и еще.

...– Сволочь... – сказал Севка и попытался вытащить из-под себя правую руку.

Для этого пришлось опереться левой рукой о землю, приподнять туловище – и снова застонать от очередного приступа головной боли.

Нет, так ничего не получится. Нужно просто лечь на живот, потом перевернуться на левый бок.

Колючая трава впиалась в живот. И ниже. «Твою мать», – сказал Севка. То, что под ним была трава, смущало, но не слишком. Нет, вопрос, откуда в январе взялась сухая горячая трава, пришел в голову, остановился, расправил плечи, даже почти совсем захватил Севкино внимание, но стушевался и отступил на задний план, пропуская вперед вопрос куда более забавный.

Севка даже не удержался и задал этот вопрос вслух, словно это могло помочь решить загадку.

– Отчего это ты, Сева, лежишь голый? – спросил у себя Севка и даже честно попытался ответить на собственный вопрос.

Даже набрал воздуха в легкие.

В правой руке началось шевеление и легкое покалывание. Которое неизбежно перерастет в боль. Нужно было встать или хотя бы сесть и немного помассировать руку.

И лежать голыми чреслами на грязной земле тоже было не слишком правильно. «Голыми чреслами по грешной земле», – мысленно продекламировал Севка. Его за склонность к заковыристым и цветистым выражениям не любили одноклассники, девушки считали забавным, а старшина роты – слишком умным. Со всеми вытекающими последствиями. А преподаватели на филфаке полагали подающим надежды.

Какие именно надежды подавал студент третьего курса филологического факультета Всеволод Залесский, никто так конкретно и не сказал. Впереди была магистратура, туда еще нужно было поступить, контракт Севке не светил по причине полного безденежья, а на бюджет... На бюджет еще нужно было попасть.

Еще у Севки была дурацкая привычка растекаться мыслию по дереву. Начав думать простую, в общем-то, мысль, Севка обязательно цеплялся за другую, плавно перескакивал на третью и через минуту пустых размышлений спохватывался, что забыл, с чего начал.

«Чреслами по земле», – вспомнил Севка и попытался встать.

Земля качнулась. Весь мир сжался, Севка почувствовал себя деревянной бочкой, туго стянутой обручами: один сжимал голову, второй – горло. Третий давил где-то под диафрагмой.

Севка сплюнул, подтянул ноги и встал, держа левую руку на отлете, как канатоходец на проволоке.

– Стоять! – приказал себе Севка. – Стоять!

И приказ выполнил.

Земля еще раз качнулась и успокоилась. И головная боль стала почти терпимой.

Севка осмотрел себя.

Он действительно был голый. Вопиюще голый, если вдуматься. Правый бок имел на себе следы от жесткой травы – такие забавные частые углубления на коже. Несколько рыже-зеленых травинок прилипли к бедру, а в волосах лобка ползало какое-то мелкое насекомое, которое Севка торопливо стряхнул.

Осознание того, что он стоит совершенно голый, настолько поразило Севку, что он даже не сразу осознал, что стоит посреди поля. Или луга. У Севки всегда были проблемы с сельскохозяйственной терминологией.

Справа от Севки, метрах в двухстах, виднелось нечто вроде рощи. И кажется, березовой. Роща была небольшая, деревьев на двадцать. Дальше, возле горизонта, виднелась темная полоска леса, но до нее было никак не меньше пяти километров. Или даже больше.

Прятаться, выходило, в этой рощиче. Не стоять же, в конце концов, распугивая пейзажи... или, что еще хуже, привлекая их внимание. Добраться до деревьев, спрятаться, дождаться темноты, а потом уж...

Или дождаться проезжающих ментов. Это было, наверное, правильное всего – дождаться проезжающих ментов. Какую-нибудь патрульную машину. Менты обязаны помогать. Если им сказать, что студент Залесский подвергся хулиганскому нападению...

А студент Залесский действительно подвергся хулиганскому нападению.

...– Закурить не найдется? – прозвучало из темноты подворотни, когда Севка поравнялся с ней.

Три темные фигуры материализовались возле Севки, двое мужиков остановились справа и слева, отрезая пути к бегству, а третий продолжил классический разговор.

– Я говорю, закурить не найдется?

– Не курю, – обреченно ответил Севка.

Сердце заколотилось как бешеное, мысли понеслись вскачь – бежать, драться, ударить-убежать, сразу просить пощады...

– И даже для меня не найдешь?

Классика! Вот всю жизнь мечтал именно для этого урода носить в кармане сигареты с зажигалкой.

– Извини... те, – сказал Севка, – но я действительно не курю...

А было бы курево – попросили бы прикурить, а нашлась бы зажигалка – спросили бы, отчего не спичка, а таскал бы весь ассортимент зажигательных средств, в конце концов парням не понравился бы Севкин головной убор.

– А телефончика не найдется? – спросил мужик. – Домой позвонить нужно, маме...

Это был вариант, на мгновение оживился Севка, отдать им телефон, сказать, что в подарок, попросить только симку назад. Но телефон он оставил дома. Положил раздраженно на полку под зеркалом после разговора с работодателем.

– Не... нету у меня телефона. Дома забыл... – И хоть Севка говорил чистую правду, все равно получался текст пьесы, иггранный разными актерскими составами в подворотнях и проходных дворах уже не одно поколение. Менялись времена, а нравы оставались прежними...

И Севка ударил.

Вот сам не ожидал от себя такого, никогда не ввязывался в драки даже при более благоприятном соотношении сил, терпеливо сносил шутки одноклассников и наезды старших в армии и никогда не думал, что бросится в драку без всякой надежды на победу. А тут рука сама сжалась в кулак и въехала куда-то под капюшон говорившему. Что-то хрустнуло, боль отдалась в правой руке, но противник вскрикнул, вскидывая руки к своему лицу.

А потом перед глазами Севки полыхнуло и погасло...

Севка упал лицом в снег – это было последнее, что он помнил. В снег.

...Севка окинул окрестности взглядом, словно пытаясь рассмотреть снег на поле. Не было снега. Можно было с уверенностью утверждать, что сейчас как минимум конец июля. Или даже начало августа.

Если бы те сволочи возле подъезда его вырубili, ограбили и вывезли за город, чтобы скрыть свое преступление – ерунда, конечно, с каких это хренов обычной сявате возиться с клиентами? – если бы даже этот бред был правдой, то выходило, что Севка пролежал посреди поля не меньше пяти месяцев.

Его бросили в сугроб и уехали. Потом снег сошел, выросла трава, набежали всякие кузнечики с муравьями – Севка снова отряхнулся, – налетели мухи, и Всеволод Залесский проснулся наконец... какая восхитительная чушь!

Просто потрясающая!

Севка ощупал левой рукой свой затылок и чуть не заорал от боли, наткнувшись на здоровенную шишку. Его таки вырубili. В январе вырубili. Посреди полуторамиллионного города вырубili. А он стоит посреди поля и посреди лета голый и держится за шишку, полученную полгода назад.

Нет, возможны варианты. Точно, возможны.

Вот сейчас Севка напряжется и придумает. Выдаст изумленному себе гипотезу. Внутренне непротиворечивую, красивую и правильную.

Значит, так... Севка переступил с ноги на ногу и зашипел, уколов подошвы о траву, тебя, Всеволод Александрович, таки да, таки вырубili двадцатого января две тысячи одиннадцатого года на улице Продольной города Харькова. Самым бессовестным и жестоким образом. Ты потерял сознание, и тебя отвезли в больницу. Вот. Там ты полежал, полежал, потом вылечился и поехал, скажем, в деревню на заработки. Именно – на заработки, ты в прошлом году собирался, но так и не поехал. Не решился.

Ты приехал в деревню, нанялся на работу к частнику или в какое-нибудь хозяйство, вечером отправился в местный клуб на дискотеку, пригласил местную красавицу, а местные красавцы это расценили как покушение на свои генетические угодья, вывели тебя на улицу... или подстерегли, когда ты возвращался с танцев... классический прием – «штакетиной из-за угла», городской козел вырублен, а в назидание его... то есть тебя ободрали до голого состояния и вывезли на мотоцикле «Урал» с коляской в чисто поле, а сами сейчас с удовольствием наблюдают за твоим пробуждением из той же рощицы.

Они вообще могут сейчас все снимать на телефон, чтобы выложить смешную картинку на какой-нибудь Ютуб.

Севка внимательно присмотрелся – рощица светила насквозь, но черт их разберет, есть там кто-то или нет.

Версия, конечно, получилась красивая, но с тем же успехом это могли оказаться инопланетяне: похитили его, вдоволь наэкспериментировались и выбросили за ненадобностью. А затылок болит оттого, что в него вживлен инопланетный датчик. Севка снова потрогал затылок.

Нет, для инопланетной техники слишком заметно. И они, кажется, вставляют чипы через нос. Нет, вроде и в затылок, если верить «Икс-файлам». А верить им нет никаких оснований.

И при любом раскладе нужно идти к рощице, прячется там пейзажная молодежь или нет. Кстати, если бы версия с нападением деревенских парней была правильной, то одной шишкой на затылке Севка не отделался бы. Когда заезжий наглец падает на землю под молодецким ударом родной штакетины, как тут удержаться и не попинать беднягу ногами? Никак не удержаться.

И обнаженное тело Севки обязательно носило бы следы побоев. Или хотя бы болело, если парни чтут традиции. Старшина роты почти без намека рассказывал как-то, что была в деревнях раньше традиция – накрывать воспитуемого мокрой дерюгой и обрабатывать оглоблей. «Эффект, – сказал старшина, – был, а синяков – нет».

Но Севкино тело не болело. То есть – абсолютно.

Ныл затылок, зудели костяшки указательного и среднего пальца на правой руке. Севка посмотрел на них – кожа на костяшке указательного была счесана, а костяшка среднего пальца явственно припухла и болела.

И версия со штакетиной рушилась в тартарары. Севка ударил. Успел ударить. Что возвращало его, так или иначе, в морозный январь.

Солнце, еще даже не поднявшись особенно высоко, припекало тем не менее вполне категорично. И это значило, что спрятаться нужно не только от любопытных глаз, но и от солнечных лучей. Куда смешнее просто голого студента выглядит голый и обгоревший на солнце студент.

Севка пошел к березкам, глядя под ноги и пытаясь выбрать наименее болезненный маршрут. Он так сосредоточился на этом, что не сразу сообразил, что слышит звук мотора.

Оглянувшись, Севка обнаружил, что от горизонта к нему приближается серое облако. А перед ним, словно убегая от пыли, подпрыгивает на ухабах грузовик.

Нет, Севка помнил, что собирался сидеть под деревьями и ждать милицейскую патрульную машину, помнил, что очень не хотел выглядеть идиотом или извращенцем в глазах водителей и пассажиров, но тут, увидев машину, бросился наперерез, не обращая внимания на траву и комья земли, размахивая руками и выкрикивая срывающимся голосом что-то нечленораздельное.

Голый парень должен успеть подбежать к дороге до того, как машина проедет мимо. Голый парень должен выскочить на дорогу, встать на пути и просить-просить-просить, униженно прикрывая свое достоинство.

До дороги оставалось метров сто, когда Севка понял, что не успевает, что машина проскочит мимо, если водитель не заметит его и не остановится, из любопытства или жалости.

А потом... Потом Севка услышал, как к звуку мотора грузовика прибавился звук еще одного двигателя, вначале тихий, а потом все громче и громче. Промелькнуло что-то громадное, тень на мгновение закрыла солнце, было похоже, будто самолет проскочил над самой головой у Севки. Тот бросился в сторону, зачем-то прикрывая голову руками.

Это действительно был самолет. Севка замер и, отгородившись ладонью от солнца, попытался рассмотреть аппарат. На легкомоторного уродца летательный аппарат был не похож. И двигатель у него не жужжал, а ревел, и крылья с хвостом были вполне себе хвостом и крыльями, а не ажурной ерундой моторных дельтапланов и прочих мелкотравчатых стрекоз.

Самолет, проскочив сквозь облако пыли в трех-четыре метра над дорогой, резко пошел вверх, потом перевалился через крыло и как-то боком скользнул обратно к дороге.

Грузовик несли дальше, только теперь выходило, что убегает он не от облака пыли, а от самолета.

– Черт... – выдохнул Севка.

До него вдруг дошло, почему грузовик на дороге сразу произвел такое странное впечатление. Теперь, в комплекте с самолетом, все происходящее на дороге полностью соответствовало кадру из старого фильма о войне. Множеству кадров из множества фильмов – советский грузовичок удирает по дороге, а немецкий истребитель настигает его, настигает... а дальше, по сценарию, либо промахивается, либо попадает.

По сегодняшнему сценарию самолет промазал.

Вернее, не так. Самолет выстрелил, дымные струи потянулись от него к машине, ударили по кузову – Севка даже рассмотрел, как полетели вверх какие-то ошметки и щепы с бортов, – но грузовик вильнул, и пулеметная очередь побежала дальше по дороге двумя рядами пылевых гейзеров.

Это было неправильно. Этого не могло быть, кричало что-то внутри Севки, но он продолжал стоять неподвижно, приставив обе руки козырьком к лицу, и смотрел, прикусив губу, как самолет с крестами на крыльях делает крутой разворот и выходит на грузовик спереди.

Севке показалось, что летит самолет низко, над самой землей, что прозрачный круг вращающегося винта в любой момент может зацепиться за землю, но истребитель – а это был истребитель, сообразил Севка – ударил коротко и ушел вверх, проскочив над грузовиком.

Пыль за самолетом завилась в спираль.

Пули попали в двигатель грузовика. Вдребезги разлетелось лобовое стекло, грузовик занесло в сторону, передние колеса влетели в кювет, задняя часть грузовика подпрыгнула, вперед полетел какой-то ящик, ворох белых листов взлетел и, подхваченный ветром, облаком завис над дорогой.

Истребитель сделал еще заход, но стрелять не стал – от грузовика поднимался пар, на капоте лежало тело, выброшенное ударом из кабины, ноги оставались внутри, а голова свешивалась вперед.

Севка закричал, по-детски прижимая кулаки к щекам, согнувшись, но не сводя взгляда с машины и человеческого тела на капоте. До грузовика было метров тридцать, на почти белой одежде убитого ясно были видны ярко-красные пятна.

Истребитель сделал еще один вираж, и Севка, краем глаза заметив это, понял, что на этот раз самолет заходит на него, что пилот заметил странную фигуру в поле и решил заодно перечеркнуть жизнь и этого голого человечка. Его, Севкину, жизнь.

Наверное, нужно было бежать. Или хотя бы упасть на землю, вжаться в нее, чтобы пилот промазал, но тело было парализовано, превратилось в соляной столб, и только одна мысль лихорадочно пульсировала в мозгу, одно слово: «Все-все-все-все-все-все-все-все...»

Самолет прошел почти над самой головой Севки, оглушил ревом, хлестнул по лицу ветром, но выстрелы не прозвучали.

Севкины руки бессильно упали вдоль туловища, он с какой-то неестественной отстраненностью смотрел на то, как истребитель по широкой дуге облетает его, как пилот смотрит, потом показывает большой палец руки, смеется, и...

Самолет улетел, исчез в солнечном свете. Затих звук его двигателя. Снова стал слышен стрекот кузнечиков и пение какой-то птицы.

– Ничего... себе... за хлебушком... – прошептал одеревеневшими губами Севка. – Ничего себе...

Спазмы желудка судорогой согнули Севку. Желудок был пустым, рвало желчью, и не было никаких сил, чтобы остановиться, взять себя в руки. Стоя на коленях и опершись руками о землю, Севка хрипел, пытаясь отогнать темноту, медленно заливавшую все вокруг.

«Это все неправда, – попытался успокоить себя Севка. – Это снимают кино. Кино снимают... Сейчас появится кто-то... У них камера здесь неподалеку... Сейчас...»

– Сейчас... – прошептал Севка и вытер подбородок грязной рукой. – Сейчас...

Он поднялся на ноги, колени дрожали, он все еще продолжал бормотать, что сейчас, через секунду, появятся эти уроды, будут кричать на него, что он испортил кадр... Севка продолжал бормотать эту чушь, хотя уже прекрасно понимал, что это не так, что все происходящее, все: и самолет с крестами, и расстрелянный грузовик, и тело, лежащее на капоте машины, – все это произошло на самом деле. На самом деле только что погиб человек, на самом деле чуть не погиб и сам Всеволод Залесский. Только жалкий нелепый вид спас ему жизнь.

Севка медленно, будто на деревянных ногах, подошел к машине.

Деревянные борта кузова были пробиты в нескольких местах. Шипел пар, вырываясь из дыр в капоте. Севка замер, глядя на руку убитого. Пальцы касались переднего колеса, из рукава по пальцам текла кровь. Часто-часто капала на землю, в лужицу, скопившуюся у колеса.

Листок бумаги опустился сверху и лег в кровь.

«Смерть немецким оккупантам!» – было крупно напечатано на нем, дальше шел густой текст из мелких букв, которые Севка даже не попытался прочитать.

«Смерть немецким оккупантам!»

Севка засмеялся.

Захохотал, согнулся, держась за живот, по лицу текли слезы, но он не плакал – смеялся.

Это же так смешно! Невероятно смешно! Он – в прошлом! Как в кино. Или в одной из тех книг, о которых любил позлословить Богдан – большой знаток военной истории.

– У меня началась истерика, – говорил Богдан в самом начале рассказа, прежде чем переходил к перечислению ошибок и несуразностей, описанных в книгах. – Просто истерика.

– Просто истерика, – со всхлипом выдохнул Севка. – Истерика. Нужно успокоиться. Успокоиться.

Но не получалось. Хохот не отпускал Севку, и тому пришлось крикнуть на себя, заорать, назвать себя уродом, придурком, козлом... Севка вспоминал все самые обидные слова, слышанные им в жизни, ударил себя по лицу, потом размахнулся и ударил рукой по дверце машины. От удара дверца распахнулась, и Севка увидел еще одного убитого.

Хохот замер.

Ударом из кабины был выброшен шофер. Человек, сидевший на месте пассажира, остался внутри. Наверное, телом ударился плечом о стойку кабины. Мертвец сидел, наклонившись к пустому водительскому месту.

Пули пришили ему в грудь, две дырки сочились красно-черным между нагрудными карманами гимнастерки справа и слева от портупеи. И был он на вид никак не старше Севки. Из уголка рта текла струйка крови, а выражение лица было спокойным, открытые глаза смотрели в потолок немного удивленно, а в изгибе губ Севке померещилась какая-то обида.

«Наверное, это обидно – умирать таким молодым. Вообще – умирать», – поправил себя Севка.

На рукаве застиранной гимнастерки была матерчатая звезда с вышитыми серпом и молотом, в петлицах – по два красных квадратика. Севка знал, что называются они «кубари», что носили их офицеры, но, хоть убей, не мог вспомнить, что эти кубари означают. Не очень большой начальник. Не сержант, но... По возрасту – летеха. Лейтенант. Может, кубик равен звездочке? Тогда – точно лейтенант. Значит, три кубика – старший лейтенант, а четыре – капитан... А потом... Потом, кажется, «шпалы». Богдан что-то говорил о «шпалах», и в книгах о войне Севка читал о них... Только ничего не помнил. И его опыт службы в армии ничем ему не поможет, если придется разговаривать с кем-то из военных. Лучше прикинуться гражданским... Бывают же на свете гражданские, которые ни хрена не понимают в знаках различия и всем таком.

«Я – студент. Филолог. К парням-филологам всегда относились как к немножко идиотам, которые зачем-то читают книги в компании с барышнями, вместо того чтобы заняться чем-то серьезным и денежным. Тот же Богдан всегда говорил, что...

Но одежда все равно нужна, – оборвал свои размышления Севка. – Все это правильно, но одежда все равно нужна. И если нет гражданской, придется надеть форму».

Севка посмотрел на убитого лейтенанта и содрогнулся. Эту форму надеть нельзя. Дыры на груди, кровь – он не сможет заставить себя это надеть. И не сможет заставить себя стащить одежду с мертвеца. Даже обувь.

Сапоги, наверное, можно снять, мышцы покойника еще не застыли. Схватиться за носок и каблук, упереться ногой... Севка сплюнул, понимая, что ничего такого сделать не сможет. Вот хоть убей – не сможет. Лучше уж голым.

«Думай, быстрее думай», – сказал себе Севка, оглядываясь по сторонам. Дорога была пустая. Небо было пустым. Пела птица, трещали сверчки... Или кузнечики, сверчки в избах сидят, за печкой. Послышалось негромкое рокотание, как далекий гром.

«Банальное сравнение», – подумал Севка, но действительно – больше всего похоже на раскаты далекого грома. Гремело на западе. Значит, нужно идти на восток. К своим. А там его

примет заградотряд, какой-нибудь гэбист допросит, усечет, что паренек несет всякую ерунду... Паренек, кстати, не сможет даже сказать, где находится.

Черт. Черт. Триста тысяч раз черт-черт-черт...

Сдаться немцам?

Отойти в сторонку и подождать, пока не появятся танковые колонны немцев. В кино они всегда едут на танках, с закатанными рукавами, гогочущие и играющие на губных гармошках «Ах мой милый Августин»...

Летчик же не тронул голого парня. Побрезговал, посмеялся, решил не тратить зря патроны... Но ведь не тронул. Может, и пехотинцы, увидев голого русского, не станут стрелять, а заберут... Сдадут в лагерь, там на допросе какой-нибудь немецкий офицер с моноклем в глазу – обязательно с моноклем – станет задавать вопросы, выяснит, что этот советский несет полную ерунду, явно врет... «Ахтунг, фойер!» – так, кажется, подавали команду на расстрел в кино.

– Ми пудьем тебя ньемножко убивайт и немножко вешайт...

Севка зажмурился и помотал головой. Он может им сказать, что из будущего. И тогда... тогда его не убьют сразу, тогда его отправят в Берлин, и он будет говорить... Он будет говорить, потому что даже представить себе не может, как нормальный человек способен выдержать пытки, от одной мысли о которых у Севки к горлу подкатывается тошнота.

Он расскажет... А что он может, собственно, рассказать? Такое, что повлияет на ход истории. Высадка в Нормандии по фильму «Спаси рядового Райана»? Он даже запомнил дату... Помнил дату... ведь помнил же... В сорок четвертом. В Нормандии. Летом. А Сталинград... Сталинград зимой сорок третьего... или сорок второго? Какая разница, он скажет, что там немцам врезали по флангам, окружили и целую армию во главе с Паулюсом... с Паулюсом, точно... Севка не так много помнил немецких фамилий из Великой Отечественной, но эта крепко засела в мозгах.

Ему поверят? Если не поверят – убьют. Ахтунг, фойер! Если поверят, то история изменится, Гитлер победит, Севка не родится, его бабушка не вернется из лагеря, а дед – с фронта. И Севка не сможет попасть в прошлое и все изменить, и это значит, что его бабушка сможет бежать из рабочего лагеря в Любеке и после войны встретиться с его дедом, уже отвоевавшим и успевшим отсидеть в сталинском лагере... И Севка родится в результате, и попадет в прошлое, и все расскажет...

– Придурок! – громко сказал Севка себе.

Он запутался и попал в петлю покрепче временной, описанной в фантастике. А так можно сойти с ума.

Одно понятно – нужно что-то делать, чтобы не засветиться. Чтобы не пришлось... Можно прикинуться сумасшедшим. Это будет правильно – прикинуться сумасшедшим. Голый на дороге – псих. Наши особо вникать не будут, нужно просто говорить правду, рассказать, что попал в прошлое, и стоять на своем. Его отправят в дурдом. Там он отсидится, вникнет в обстановку, что-то выучит, получит справку годика через три-четыре. Придется потерпеть, но ничего не поделаешь.

Значит...

Севка еще раз огляделся, надеясь, что вот сейчас появится машина... Или колонна машин, или красноармейцы, идущие на фронт. Или отступающие. И все, можно будет не ломать голову...

Но дорога оставалась пустой.

А ведь и наши ему не поверят. Не поверят. Куча народу наверняка пыталась прикинуться безумцами, чтобы не воевать. И его быстро расколют. А если у него еще вдруг проскочит «господин» какой-нибудь... Или, там, гривна вместо рублей. Или...

А немцы убивали сумасшедших, между прочим. В старом фильме был эпизод – пациентов сумасшедшего дома вывозят за город, вежливо предлагают даме-врачу остаться в городе, но та едет... И всех убивают. Ахтунг, фойер!

Дался ему этот ахтунг!

Нужно прятаться в лесу. Партизанить, если придется. Там люди особо не расспрашивали, наверное, сослаться на контузию, а потом, к возвращению Красной армии уже все выучить и стать ветераном.

Вопрос, есть ли тут лес и появились ли партизаны. Лес возле горизонта маячит. Непонятно – большой или нет. И где именно сейчас находится Севка – на Украине или в России? Или в Белоруссии? Пойдет партизанить где-нибудь под Ровно и наскочит как раз на украинских националистов... И придется вешать комсомольцев, убивать сельсоветчиков, а после войны стать не партизаном-героем, а буржуазным националистом. И либо подохнуть где-то в схроне, либо загнуться на Колыме, либо прятаться и прикидываться до самого девяносто первого года...

– Так, – громко сказал Севка. – Ищем одежду. Ищем какую-нибудь одежду.

В кабине ничего такого не было. Под сиденьем был ворох тряпья, обрывки полотенец, подштанники, разодранные до полного неприличия и невозможности к использованию по прямому назначению.

Севка запрыгнул в кузов.

Деревянные ящики громоздились кучей у кабины. Один разбился, и из него на доски кузова высыпались мелкие свинцовые буквы. Шрифты, понял Севка. Такими раньше набирали газеты и книги. Несколько крепко стянутых шпагатом пачек бумаг лежали в углу. Пачка газет с заголовком «За Родину» и призывом «Смерть немецким оккупантам» внизу.

Какая-то редакция. Или типография. В кино...

Севка сплюнул за борт – выходило, что вся его информация о войне почерпнута из фильмов. И если вспомнить, как Богдан помимо книг о войне материл фильмы, что современные, что советские, то получалось, что особо надеяться на свои знания не стоит.

Быстрее, быстрее...

Севка отодвинул в сторону пачки бумаг. На полу валялась замызганная шинель. Ее водитель тоже явно собирался употребить как ветошь, одна пола была отрезана почти по пояс. С одной стороны – лучше, чем ничего, с другой – если представить, как именно будет выглядеть Севка в таком суконном фраке...

А под шинелью оказался чемодан. Фанерный, покрашенный в коричневый цвет, с петлями под навесной замок, но, на счастье Севки, закрытый только на нечто вроде щеколды.

Севка вытащил чемодан, открыл и застыл, испытал одновременно и радость, и разочарование. Имущество принадлежало офицеру. Темно-зеленая гимнастерка лежала поверх синих галифе. «Какого беса этот лейтенант не мог везти полный комплект, – подумал раздраженно Севка. – Зеленая шерстяная гимнастерка от одного, синие галифе от другого... Авиационные штаны, что ли?»

Еще в чемодане были начищенные хромовые сапоги, завернутые в парусину, грязное белье в старой газете и две пары чистых сатиновых трусов плюс чистая майка. И носки.

Думать было некогда да и незачем.

Севка быстро надел трусы, майку и носки. Надел галифе, посмотрел на куцые штанины и с ужасом подумал, что лейтенант покойный мог носить другой размер. И тогда форма мало того что сборная из двух разных комплектов и даже двух разных родов войск, но еще и явно с чужого плеча...

Но гимнастерка подошла, села на плечи как влитая. И сапоги были почти точно по ноге, разве что на полразмера больше. Севка оделся и почувствовал, как что-то меняется в нем, как уходит неуверенность, сидевшая в мозгу с самого пробуждения, как осознание того, что он

больше не голый, что он теперь отгорожен от окружающего мира одеждой, как броней, и не просто одеждой, а формой, пусть не его, пусть даже неправильной, делает его взрослее, что ли...

Он никогда не понимал любителей стиля «милитари», не мог понять мальчишек и девчонок, которые называли всех военных идиотами, но упорно носили хаки и камуфляж, «берцы» и кепи с краповыми беретами. А вот теперь...

Теперь бы ремень. Гимнастерка, длинная, почти до колен, болталась, как платье, и с этим нужно было что-то делать.

Севка снова заглянул в чемодан, взял фуражку с малиновым околышем и под ней обнаружил пачку патронов. К «нагану», понял Севка, разобравшись в надписи на плотной бумаге. И еще он нашел полевую сумку. Не заглядывая вовнутрь, сунул туда патроны, повесил сумку на шею и спрыгнул с кузова.

Хочет он или нет, но придется прикасаться к труп.

Севку снова передернуло. Холодок пробежал по спине. Но ему нужен ремень. И револьвер, который висит в кобуре на нем. Без оружия он вызовет подозрение, это точно. И без ремня.

Севка протянул руку – пальцы дрожали, сердце колотилось, – дотронулся до пряжки португалии на груди убитого. Осторожно, чтобы не запачкаться, расстегнул. Замер, ему показалось, что лейтенант подмигнул, Севка вздрогнул и отшатнулся, но это была всего лишь муха, севшая на глаз убитому.

Севка торопливо взмахнул рукой. Муха взлетела, но через секунду села обратно. Потом вторая села на лоб мертвецу.

Пряжка на ремне сразу не поддалась... Или это Севкины пальцы отказывались слушаться. Ремень был почти такой же, как те, что Севка видел у офицеров в армии, когда служил срочную, – широкий, с простой пряжкой на два зубца.

Севка повесил ремень с кобурой на шею, замешкался на пару секунд, глубоко вздохнул, чтобы перебороть тошноту, и расстегнул пуговицу на кармане гимнастерки. В левом кармане обнаружил документы, командирскую книжку и партбилет.

Фотографии были так себе, и если не присматриваться, то Севка вполне мог сойти за Тимофея Артемьевича Зеленых тысяча девятьсот семнадцатого года рождения, младшего политрука.

Младшего политрука, а не лейтенанта, между прочим.

Здорово бы выглядел Севка, сгоряча представившись лейтенантом! Расстреляли бы с ходу, даже чокнутым прикинуться бы не успел.

В правом кармане гимнастерки младшего политрука было несколько купюр – пять по три рубля и две – три червонца. Севка слегка ошарашенно покрутил в руках громадные купюры, прикидывая, а настоящие ли это деньги. Нет, выглядели они вполне серьезно, но номинал в три червонца... Севка о таком никогда не слышал. Но деньги не помешают.

Возникла мысль обыскать еще и водителя, но, взглянув на залитое кровью тело, Севка эту мысль решительно отогнал. Подпоясался ремнем, перекинул через плечо португалию, застегнул. Передвинул кобуру назад. Повесил полевую сумку через правое плечо. Гимнастерка сбилась, Севка, сунув большие пальцы рук под ремень, сдвинул складки за спину. Комок ткани был похож на кринолин в дамском платье, но разбираться в таких мелочах Севка не собирался.

Так, одежда и обувь плюс оружие – все это хорошо. Даже немного денег... знать бы еще цены, но ладно, с этим можно и потерпеть. Как-то выяснится. Узнать бы дату... А вдруг сейчас не сорок первый, а сорок второй? И там, на востоке, не Москва, а какой-нибудь Кавказ? Или здесь Крым, в Крыму ведь тоже воевали, оборона Севастополя и все такое... Севка бывал в Севастополе, посещал диораму и даже запомнил дату освобождения города – девятое мая тысяча девятьсот сорок четвертого.

Но сейчас вроде не сорок четвертый. Он точно помнил, что в сорок четвертом уже были погоны. И в кино...

Севка выругался.

К чертовой матери все кино на свете. Молчать и молчать. Прав был учитель математики, который говорил балбесам-старшеклассникам, что молчание делает человека умнее в глазах окружающих.

А кино...

И, как нарочно, перед глазами всплыло – немецкий офицер идет вдоль строя советских военнопленных, похлопывая стеком по голенищу. И на одной ноте, речитативом тянет: «Командир, комиссар, еврей... Командир, комиссар, еврей...» Тех, кто признавался, отводили в сторону и расстреливали. Офицеров, кажется, все-таки в плен брали, а вот комиссаров и евреев...

Нет, Севка не еврей и на еврея, слава богу, не похож. Светло-русые волосы и голубые глаза делают его скорее похожим на арийца. А вот звание... Политрук – это ведь комиссар? В смысле – звание комиссарское, подрасстрельное?

И что в этих знаках различия указывает на то, что Севка не младший лейтенант, а младший политрук? Кубики в петлицах? Нет, вряд ли. Звезды на рукавах? Может быть... содрать?

Севка даже успел нащупать ногтем край звезды на левом рукаве, когда услышал звук мотора. Далекий, высокий, какой-то тарахтящий.

Не самолет, уже хорошо.

Севка оглянулся через плечо и увидел, что к нему несется мотоцикл с коляской.

Внутри у Севки все оборвалось, по спине потек пот, ноги ослабли.

Немцы. Это они носились по дорогам и расстреливали из пулеметов отступающих. Они даже в плен не брали, просто расстреливали с гогом из пулеметов.

Кобура не расстегивалась. Пальцы царапали гладкую кожу кобуры и все никак не могли нащупать застёжку. Севка с ужасом смотрел на приближающийся мотоцикл, понимал, что нужно хотя бы бежать, надеясь, что немцу не до того, чтобы стрелять в отдельного бегущего офицера Красной армии... Или он просто не попадет. Все это Севка понимал, но ничего не мог с собой поделать – ноги отказались служить.

Мотоцикл резко затормозил возле Севки.

– Товарищ младший политрук! – Мотоциклист в коляске, одетый в запыленный комбинезон, стащил с головы танковый шлем. – Немцы прорвались!

Севка кашлянул, переступил с ноги на ногу.

Что-то нужно было делать, но что? Попроситься на мотоцикл третьим? Но на заднем сиденье лежали два мешка, Севка рассмотрел сургучные печати на них и смог понять, что в мешках этих что-то важное.

– Вы поторопитесь, товарищ младший политрук! – сказал мотоциклист.

– Да, – кивнул Севка. – Я... да... Тут мой батальон.

Мотоциклист глянул в ту сторону, куда ткнул пальцем через плечо Севка, и надел шлем.

– Тогда готовьтесь, они скоро будут здесь. – Мотоциклист толкнул водителя в плечо, и мотоцикл умчался вперед.

Нужно уходить с дороги. Если с минуты на минуту немцы будут здесь, если мотоциклист не соврал или не напутал с перепугу, то нужно уйти с дороги. И где-нибудь спрятаться. Все в той же рошце.

Севка посмотрел на разбитый грузовик, мелькнула слабая мысль о том, что тела нужно бы похоронить, но мысль эта была слабой, да и руки все еще дрожали так, что вряд ли были способны удержать хоть что-то.

Нужно уходить.

«Бежать», – пронеслось в голове, когда сзади послышался приближающийся звук мотоциклетного мотора. С минуты на минуту, говоришь? Севка побежал. И прежде чем сообразил, что бежит по дороге, вдоль кювета, успел отмахать метров пятьдесят.

Идиот! Севка прыгнул через канаву и побежал по полю. Под ногами хрустело, раз или два нога попадала в яму, и Севка еле сохранил равновесие.

Звук мотора приближался, но оглядываться Севка не мог – смотрел под ноги. Только бы не упасть! Только бы не упасть!

Сзади что-то крикнули. Не по-русски. Значит, немцы.

Быстро они... Ну куда они торопятся, все равно ведь не успеют до зимы взять Москву. И вообще не успеют...

Сзади ударил пулемет. Пули просвистели над самой головой Севки, заставили прыгнуться и шарахнуться в сторону. Нога запуталась в траве, Севка полетел вперед, выставив руки, ободрал ладони, но тут же вскочил и снова побежал.

Следующая очередь прошла справа. Пули секли траву, выбивали фонтанчики земли чуть впереди Севки, двигались справа налево, недвусмысленно намекая, что очень хотели бы поближе пообщаться с бегущим младшим политруком.

Очереди короткие, по три-четыре патрона. Из пулемета так не бьют. Если бы из пулемета, его бы срубили одной очередью. Севка на стрельбище видел, как комбат развлекался из «ПК» по мишеням. Три ростовые мишени одной очередью, да от пояса, почти не целясь. И было метров сто до мишеней, а тут, от дороги, Севка успел пробежать куда меньше.

Севка снова споткнулся, перевернулся на спину и посмотрел на немцев. Мотоцикл уже перебрался через канаву и, не торопясь, ехал по полю. Тот немец, что сидел за рулем, что-то выкрикивал и свистел, а второй, в коляске, целился в сторону Севки из автомата «шмайссер», который, как почему-то вспомнил Севка, не был ни автоматом, ни «шмайссером».

«Это они меня ловят, – подумал Севка. – Увидели офицера и решили взять в плен. Для допроса».

Севка попытался ползти на спине, не сводя взгляда с медленно приближающегося мотоцикла, но получалось плохо, руки подламывались, а ноги срывались, поднимая каблуками облачка пыли.

А если встать и повернуться спиной к мотоциклистам, то они непременно в эту спину всадят с десятков пуль. Точно, в этом Севка не сомневался ни минуты. Значит, плен?

Какой, на хрен, плен, если он не солдат этой войны, не комиссар и даже не... Севка попытался вспомнить, как зовут того младшего политрука, форму которого он надел, но в голову лез какой-то Христофор.

Севка видел лица немцев – запыленные рожи светились азартом и предвкушением победы. Такое бывает у болельщиков, когда до финального свистка в футбольном матче осталось еще три минуты, но счет 10:0 и ничего противник уже сделать не сможет, даже если тренер соперника выпустит на поле всю мировую сборную, всех звезд всех времен и народов.

Не было ничего и никого на свете, кроме Севки и двух немцев на мотоцикле. Даже звуки исчезли. Бесшумно трясется мотоцикл на комьях земли и ямах, немец с трудом удерживает руль, он не снял свои очки-консервы, но что-то азартно орет, разевает пасть, и даже ремешок под нижней челюстью ему не мешает.

Второй, в коляске, поднял очки наверх каски, он держит автомат двумя руками, поэтому мотоциклиста сильно подбрасывает, но он все равно стреляет, из ствола вырывается пламя, гильзы летят вверх, крутятся в полете, одна из них задела щеку стрелка, тот поморщился, снова вскинул автомат, но не выстрелил. И даже недовольную гримасу с лица убрать не успел – у него на груди появилась черная точка.

Севка ясно увидел, как между пуговиц на серо-зеленом мундире немца вдруг появилось отверстие. Немец взмахнул руками, выронил оружие, оно повисло на шее на ремне, откинулся назад и запрокинул голову.

Водитель рванул руль в сторону, мотоцикл забуксовал, выбрасывая хвост разрытой земли, развернулся и понесся к дороге, все набирая скорость. Немец в коляске при каждом скачке мотоцикла вскидывал руки, словно удивляясь: ну как это получилось? Как могло выйти, что охота закончилась так нелепо? Меня ведь убили, возмущался мертвый немец, а ведь не должны были, не имели права...

Мотоцикл перебрался через канаву, выехал на дорогу и умчался прочь, поднимая облако пыли.

– Ты там долго лежать собрался?

Севка оглянулся на голос.

До рощицы оставалось всего метров пятьдесят. Возле дерева стоял высокий худощавый военный с винтовкой в руках. Севка встал и медленно побрел к своему спасителю, лихорадочно соображая, что и как сейчас будет говорить, понимая, что вот сейчас впервые придется разговаривать и отвечать на вопросы и сейчас может все закончиться.

Севка поправил фуражку, которую чудом не потерял на бегу и во время своих падений.

– А я смотрю – ты спортом занимаешься, нормативы сдаешь, – сказал военный. – Лихо так изматываешь противника, заставляя его вырабатывать моторесурс боевой техники.

– А... Да. – Севка вытер руки о гимнастерку, спохватился и стряхнул с нее землю. – Да ну их... Двое, с пистолетами-пулеметами...

Военный оказался офицером. В петлицах у него было по три кубика, но что больше всего порадовало Севку, галифе на нем тоже были синие. Из этого следовало, что либо все офицеры носили здесь что попало, либо верх и низ у офицеров был разного цвета вполне законно.

– Старший лейтенант Орлов, Данила, – офицер перехватил винтовку левой рукой, а правую поднес к пилотке.

– Младший политрук... – Севка дернул руку к фуражке, с ужасом понимая, что не помнит ни фамилии, ни имени. – Залесский Всеволод Александрович.

– Будем знакомы, – сказал старший лейтенант, протягивая руку. – Можно просто Данила.

– Сева. – Севка пожал руку своему спасителю. – Очень приятно.

– Это твоя машина возле дороги? – спросил старлей.

Севка оглянулся на дорогу, пожал плечами.

– Что с ней? – Старший лейтенант закинул винтовку на плечо.

– Самолет. Водитель убит, я чудом... Мотор разбит. А я – чудом... – До Севки вдруг дошло, что он сейчас живой только чудом, что действительно произошло чудо, сохранившее ему жизнь.

Хотя, конечно, немцы могли взять его в плен. И сейчас обыскивали бы. Или, рассмотрев его звание, пристрелили бы комиссара, даже не подав той самой киношной команды: «Ахтунг! Фойер!» Просто вlepили бы пулю в лоб. Или затылок. Или даже просто в живот, так, наверное, смешнее – комиссар, кричащий от боли и умирающий, долго умирающий в луже собственной крови.

– С тебя бутылка, если что, – сказал старший лейтенант. – Лучше – коньяку. Договорились?

Севка кивнул.

– О, брат, да тебе совсем плохо. – Старший лейтенант подхватил Севку под руку и потащил в глубь рощи. – Присядь. Ты впервые в бою, что ли?

Севка сел в траву, прислонился спиной к березе. Закрыв глаза.

– Ну, брат. – Старший лейтенант сел рядом. – Я когда первый раз пулю над ухом услышал, чуть не обделался. Фьють. А потом, через секунду – бац. И мой приятель Гришка Шаблин

падает с дыркой во лбу. И ведь стрелял в нас проклятый диверсант метров с пяти, а я не выстрел запомнил, а свист пули и звук удара. И капитана того я даже не от злости убил или от классовой ненависти, а от страха. Первую пулю я ему в плечо всадил, в правое, а потом, когда он уже на земле лежал, я ему в голову все из пистолета выстрелял. И на спуск дальше жал, пока не сообразил, что патроны закончились. Потом, чуть успокоившись, испугался даже, что капитан нас с кем-то перепутал и выстрелил по недоразумению, а я его так изрешетил...

– Какой капитан? – слабым голосом спросил Севка.

– Обычный, со шпалой в петлицах. В каждой петлице по во-от такенной шпале, а на груди – орден Красного Знамени. Танкист. Значит, впереди капитан лежит, мною убиенный, сзади – старший лейтенант Гриша Шаблин, мой закадычный друг, капитаном этим застреленный, а посредине я с пустым пистолетом в руке и с мыслью – все, приехали. Тут тебе, Данила, и конечная остановка. – Старший лейтенант снял пилотку и расправил ее на колене, расстегнул гимнастерку. – За такое и расстрелять могут. Я бы, например, расстрелял. Ситуация, сам понимаешь, не очень хорошая. Двое убитых, один живой, и рассказывает этот живой, что убил старшего по званию да еще и орденоносца, защищаясь. Я бы не поверил.

– И что? – спросил Севка, почувствовав, что старший лейтенант неспроста сделал паузу, что ждет от собеседника интереса и сопереживания.

– И не поверили. Вывели за околицу да расстреляли... – грустно протянул старший лейтенант.

– Кого?

– Да меня и расстреляли, кого ж еще? Не капитана же застреленного?

Старший лейтенант посмотрел на растерянное лицо Севки и засмеялся довольно:

– Шутка, политрук! Шутка! Прибежали патрульные, осмотрели тело павшего орденоносца, расстегнули гимнастерку... – Старлей снова сделал паузу, но тянуть не стал. – А там – немецкая форма. Понял? Немецкая.

– Зачем? – удивился Севка. – Он что – идиот? И жарко в двух гимнастерках...

– Ну ты даешь! – восхищенно вскричал старший лейтенант. – Ты прямо как только сегодня родился. Или, в крайнем случае, вчера. Ты ведь разницу между шпионом и разведчиком знаешь? Или спал на занятиях?

– Ну... Наши – разведчики. А... – Севка замолчал, увидев, каким неподдельным, искренним удовольствием начинает светиться лицо собеседника. – Да какая разница?

– Нет, ты подожди. Ты книги читал? Фенимора Купера?

У Севки в доме стоял толстый зеленый шеститомник Купера, оставшийся от бабушки, он даже прочитал несколько романов про индейцев и про красного корсара. И там, кажется, был еще роман «Шпион», благополучно не прочитанный.

– Ладно, Сева... Ты не напрягайся. Я понимаю, что день у тебя выдался насыщенный... – Орлов хмыкнул. – Понимаешь, тот, кто ведет разведку в своей форме, – тот разведчик. Кто в форме противника или в гражданском – шпион. Разведчика можно брать в плен по всем международным правилам, а шпиона можно расстреливать или даже вешать прямо на месте. Уловил?

Севка подумал, а потом кивнул.

В общем, логика немецкого шпиона была ему понятна, поймали в его родной форме – должны отправить в лагерь. Только эта правильная логика как-то не ложилась на все то, что Севка знал о той войне... «Об этой войне, – поправил себя Севка. – Об этой».

– А потом приказ до всех довели – расстреливать без суда и следствия шпионов и диверсантов. Вот такие дела... А ты, Сева, откуда ехал?

Севка напрягся.

Хотя тон у Орлова был нормальным, даже доброжелательным, и в самом вопросе не было никакого подвоха – ничего, кроме честного любопытства, – только ответа на этот пустяковый

вопрос у Севки не было. Ну не знал он, откуда ехал этот грузовик и покойный младший политрук.

– Оттуда! – Севка указал пальцем на дорогу. – Шрифты вез... Типография, там, бумаги...

– Ты газетчик! – даже как-то обрадовался Орлов. – А я из штаба фронта. Погнали вчера выяснить обстановку, я до полудня добирался туда, а там как раз влетел под бомбардировщиков, машину – в кюль, водителя – в кюль, оглушило чутко, а пришел в себя – гутен таг, дорогие красноармейцы. Я прикинул, что тут дорога еще не перекрыта, закатил ночью потрясающий марш-бросок через лес, вышел сюда и только собрался выбираться на дорогу, как увидел тебя и мотоцикл. Если бы решил ночью в лесу вздремнуть, ты бы сейчас, товарищ младший политрук... Ты, кстати, почему не стрелял? В кобуре семечки?

– Почему семечки? – Севка вздрогнул. – «Наган»...

– А ну дай гляну. – Орлов протянул руку. – Дай, не бойсь, милый!

– А чего бояться? – Севка нащупал кобуру, передвинул ее на живот, очень удивился, обнаружив, насколько простая застежка на ней, и выругал себя мысленно идиотом за то, что не смог у дороги ее расстегнуть. – Держи.

И чуть не выронил оружие, которое зацепилось шнуром, тянувшимся от рукоятки к кобуре, за какой-то сучок. И еще раз выругался.

Старший лейтенант покрутил барабан, прислушиваясь к щелчкам, посмотрел на патроны и вернул револьвер Севке.

– Нормально, – сказал Орлов. – Нажимай да стреляй, и всех делов! Ты бы если бы не растерялся, сам бы всех супостатов положил, не дожидаясь моего участия.

Севка спрятал «наган» в кобуру. Откашлялся и спросил очень деловым тоном:

– А нам не пора идти?

– Идти? – переспросил Орлов. – Сева, куда идти, ты что – слепой и глухой?

Старший лейтенант указал рукой на дорогу. Севка оглянулся, попытался вскочить, но Орлов рванул его за портупею и повалил на землю.

– Одурел? Кто ж суетится в такой обстановке? Это ты пока лежишь или сидишь, или стоишь неподвижно, тебя не видно. А как двинулся – все, срисовали. Сюда они, положим, не полезут, но из пушки палнут от всей души. Фуражку не надевай, лежи, смотри, отдыхай.

Отдыхать тут было, пожалуй, трудно, а понаблюдать...

Немцы шли по дороге сплошным потоком. Танков было немного, все больше грузовики, набитые солдатами, грузовики, тянущие за собой пушки, грузовики, забитые ящиками.

Несколько раз низко над колонной прошли немецкие самолеты, им махали, что-то кричали, но Севка не слышал выкриков, только низкий гул. Зато лица немцев рассмотрел в бинокль Орлова.

Обычные лица. Усталые, серьезные и улыбающиеся. Он даже рассмотрел немца, игравшего на губной гармошке.

До полудня старший лейтенант еще проявлял интерес ко всему, происходящему на дороге, даже, кажется, пытался подсчитывать что-то, время от времени делая пометки в записной книжке, но потом книжку спрятал в свою полевую сумку, приказал разбудить, если что, и мгновенно уснул, обняв винтовку.

Подождав немного и убедившись, что Орлов спит, Севка достал из кармана документы и прочитал имя и фамилию младшего политрука. Тимофей Артемьевич Зеленых, и никакой ни разу не Христофор. Тимофей Артемьевич. Зеленых. Зеленых. Судя по фамилии – сибирских кровей. Это у них там фамилии на – ых. Распутина на самом деле фамилия была Новых. Вот.

«А зовут меня Тимофей Артемьевич. Тимоша. А папа – Артемий. Артем».

Севка закрыл глаза, несколько раз повторил имя и фамилию. Спрятал документы в карман.

Было жарко, а в его шерстяной гимнастерке – очень жарко. Севка расстегнул ее, обмахивался осторожно веточкой, но это помогало не очень. «Кстати, – подумал он, – а нам повезло». Орлову и Севке очень повезло, что рощица в двухстах метрах от дороги. Иначе немцы точно поперлись бы сюда по нужде.

Несколько раз, когда поток вдруг замирал, немцы выскакивали из кузовов и выстраивались длинными шеренгами вдоль кювета, устраивая соревнование – кто дальше дотянется струей.

Некоторые отходили чуть дальше и, не обращая внимания ни на что вокруг, оправлялись на корточках, повернувшись спиной к дороге.

Если бы рощица была чуть ближе, пришлось бы худо. Севка даже не пытался себе представить, что стал бы делать в такой ситуации старший лейтенант Орлов. Наверное, до последнего патрона.

Может, именно так защищается время от вторжения из будущего? Эти, попаданцы, просто гибнут эпизодически, не оказывая никакого воздействия на прошлое и будущее. Какая разница для времени, сколько трупов будут удобрять землю в этих местах? Никакой.

Совершенно никакой разницы...

– Значит, вот так мы несем караульную службу? И так выполняем приказы старшего по званию? – прогремело над самым ухом у Севки.

Проспал. Стоял на посту и проспал, в отчаянье подумал Севка. Взводный его отдаст старшине роты, и тот не слезет с рядового Залесского, пока у того не сотрутся руки по самые локти.

Севка дернулся, попытался вскочить, не открывая глаз, но кто-то его удержал на земле.

– Да ты у нас бешеный, – засмеялся Орлов. – С тобой нужно аккуратнее в следующий раз.

– Я только что задремал, секунду. – Севка открыл глаза и понял, что соврал – солнце было уже почти возле горизонта. – Ничего себе...

– Вот, наука на будущее, товарищ младший политрук. – Орлов поднял палец. – Вначале нужно проснуться, а потом только начинать врать. Предварительно все взвесив и приняв к сведению изменение обстановки. Историю про колхозного сторожа и хомут знаешь? Нет? Значит, решил председатель колхоза сторожа поймать спящего, увидел, что тот сидит и спит. Но ведь если окликнуть, подумал председатель, скажет, что не спал. Не армия, садиться можно. Тогда председатель берет хомут, висевший на стене, осторожно надевает хомут на шею сторожу, а потом как заорет – спишь, сукин сын! А тот ему – нет, хомут вот починаю... Смешно?

– Нет, – честно ответил Севка.

– Мне тоже, – вздохнул Орлов. – Сторожа посадили за халатное отношение и вредительство. А потом – и председателя тоже.

– А его за что?

– За скрытый троцкизм. Виду не подавал, а был троцкистом. – Старший лейтенант внимательно смотрел в лицо Севке, словно чего-то ожидая.

Севка так и не понял, чего именно.

– Извини, я уснул...

– Да ничего, я уже часа три как бодрствую. – Орлов сорвал травинку и сунул в рот. – Противник, похоже, вышел на основное шоссе, и теперь этот проселок ему не очень нужен. Что нам кстати.

Дорога была пустынна. Пыль все еще висела в воздухе, но уже низко, почти над самой поверхностью.

– У тебя поесть ничего нет? – спросил Орлов.

– Нет. И пить тоже, – ответил Севка.

– И это прискорбно... Лежат два молодых крепких парня, можно сказать – красавцы, а ни пить, ни есть у них нет. И дотемна не будет. И даже когда стемнеет, все равно не будет у них ни еды, ни воды. Деревня Красная в семи километрах отсюда, но стоит она как раз на этом

проселке и сейчас наверняка забита немцами. Нам с тобой в любом случае придется обходить деревню. Может, в лесу найдем ручей. – Орлов насторожился, перевернулся со спины на живот и посмотрел на дорогу.

С востока двигалась небольшая колонна, человек сто.

– Немцы? – спросил Севка, ожидая в ответ что-нибудь типа «нет, французы!».

«Понятное дело, что некому тут быть, кроме немецкой пехоты», – подумал Севка. И ошибся. Орлов молча сунул ему бинокль и сплюнул.

Это были пленные.

Понуро повесив головы, по дороге брели люди, одетые в шинели и гимнастерки. Это был не строй – толпа, вытянувшаяся вдоль дороги. Спереди и сзади шли немецкие солдаты. Два немецких солдата. С винтовками, брошенными за спину.

Всего два.

Севка оглянулся растерянно на Орлова. Тот заметил взгляд и отвернулся.

– Как же так? – спросил Севка.

Сотня солдат, сотня наших, которые героически защищали свою страну от немецко-фашистских захватчиков, бились до последнего патрона в Брестской крепости, там, еще где-то, которые остановят немцев под Москвой, Сталинградом... Идут, как стадо, даже не под конвоем, под командой всего двух затрапезных немцев с пятизарядными винтовками в руках.

Это десять выстрелов. Пусть каждый будет наверняка, пусть десять человек конвоиры убьют... Да и десяти они не убьют, ничего у них не получится, не успеют они даже затворы передернуть. И все... И свобода. Можно идти не на смерть в лагерь, а к своим... или в партизанские отряды...

– Может, нужно что-то сделать? – прошептал Севка.

Он вдруг испытал жгучий стыд за то, как бежал сегодня от мотоцикла, как в панике даже не подумал выхватить оружие, и теперь это воспоминание требовало от него какого-то действия. Решительного и героического.

– Их же всего двое, – прошептал Севка. – Подберемся поближе, ты возьмешь переднего, я – заднего. Я у него просто ружье отберу. Помочь нашим нужно...

– Если бы они хотели, то уже сами бы освободились, – процедил сквозь зубы Орлов. – Сами бы. Ровно за десять секунд. Нет?

– Не знаю... Может, среди них нет офицеров, некому приказать? И если мы сейчас нападем, то...

– Нападем? – со странной интонацией в голосе спросил Орлов. – И бойцы РККА радостно встретят свое освобождение?

– А почему нет? Ведь пара пустяков. И ты выведешь всех к своим. К нашим. – Севка на секунду запнулся, испугавшись, что это он не искренне советует броситься в бой, а только хочет спрятаться в толпе, решил, что если они придут к нашим такой большой группой, то, может быть, никто не станет особенно тщательно проверять младшего политрука Зеленого? «Зеленых», – со злостью поправил себя Севка. И пообещал мысленно, что если они отобьют пленных и дойдут до русских, то он отстанет и будет пробираться дальше один. И будь что будет. – Мы все выйдем!

Орлов взял винтовку.

– Пошли? – Севка подобрался, готовясь к броску вперед.

Солнце уже до половины ушло под землю, тени стали длинными, и если не смотреть внимательно, то вполне можно прозевать приближающихся людей.

Конвойные точно прозевают.

Орлов, не отвечая, передернул затвор винтовки. Гильза вылетела, ударилась о ствол дерева и упала перед Севкой.

– Двое, – прошептал старший лейтенант, целясь из винтовки. – Двое...

Винтовка грохнула необыкновенно громко. Севка, хоть и ожидал выстрела, от неожиданности вздрогнул. Он в армии стрелял только из «АК» – семьдесят четыре, а тот был значительно тише, чем винтовка в руках Орлова.

– Один, – прошептал Орлов, щелкая затвором.

Гильза, отскочив от дерева, упала перед Севкой. Только эта гильза еще дымилась.

Выстрел – силуэт в хвосте колонны пленных дернулся и упал.

Наступила тишина.

Пленные стояли на дороге.

Севка схватил бинокль, торопливо провел им вдоль строя – люди стояли, переглядываясь, но с места не двигались.

Первый конвоир лежал неподвижно, а второй еще дергал ногой, в бинокль было ясно видно, как его сапог чертит полосы в дорожной пыли. Наконец, замер.

А пленные стояли неподвижно.

– Может, им крикнуть? – предложил Севка. – Они не поняли?

– Чего не поняли? – хрипло прорычал Орлов. – Не поняли, что свободны? Что можно идти и выполнять требования присяги? Что нужно бежать в лес и начинать борьбу с фашистскими полчищами? Их нужно брать за ручки и выводить из колонны? Ты на переднюю шеренгу посмотри.

Севка глянул.

Офицеры. Во главе колонны стояли офицеры. Трое или четверо. Один из них, тот, что помоложе, подошел к лежащему конвоиру, присел и пощупал пульс. Оглянулся на второго и что-то сказал. Тот, тучный, высокий, снял фуражку и вытер блеснувшую на заходящем солнце лысину белым платком. Оглянулся на строй и отдал команду.

Люди стали садиться на землю, прямо в пыль.

Севка потрясенно опустил бинокль.

– Все еще хочешь выйти? – Орлов перезарядил винтовку. – Или хочешь, я первую шеренгу перестреляю, тех, что стоят.

Офицеры стояли кучкой, совещались. Было их четверо, и, судя по тому, как трое обращались к лысому, старшим был именно он.

– Они решили посидеть и подождать колонну немецкую. Или велосипедиста какого-нибудь завалившего, чтобы объяснить ему ситуацию и сдать в плен еще раз. Непонятно?

– Но там же смерть! Их же отправят в лагеря, и оттуда почти никто не вернется. Их же убьют. В газовых камерах или еще как... Из их кожи будут делать перчатки и абажуры. Сжигать, а пеплом удобрять землю... Они что, не понимают?

– Что они должны понимать? Это ты о каких абажурах толкуешь, товарищ младший политрук? Это тебе довели из Центрального Комитета? И ты думаешь, тебе кто-то поверит? Они же немцам сдались, культурным людям. Для этих – все уже позади, нет войны, нет смерти. Немцы же в листовках пишут, что пришли воевать не с народом, а с жидами и коммунистами. «Бей жида-большевика, морда просит кирпича!» – продекламировал Орлов. – А ты хочешь их снова втянуть в бойню? Да они тебя порвут, если увидят. Вот тебя они сомнут и затопчут, даже если ты попытаешься стрелять из своего «нагана»!

– Зачем ты тогда стрелял?

– Ты попросил. А я уже таких видел. И знаю, как они подняли на штыки комбата, который пытался остановить роту. И как порвали в клочья политрука Бориса Самойловича, который их уговаривал не сдавать позиции.

Послышался звук двигателя.

Показался бронетранспортер, забитый солдатами.

Лысый начальник надел фуражку, одернул френч и пошел навстречу бронетранспортеру, размахивая над головой белым носовым платком.

– Трогательное единение. – Орлов сплюнул. – Ты, кстати, имей в виду, сейчас отец-командир обрисует немцам ситуацию и заодно сообщит, что стреляли отсюда, из рожицы. И нам с тобой придется немного побегать. Или умереть на месте. Ты как предпочитаешь, товарищ младший политрук? В плен, как мне понятно из твоего пламенного выступления, ты сдаваться не собираешься.

Лысый остановился, бронетранспортер затормозил, словно немцы в нем присматривались к происходящему. Пленные встали и после команды одного из своих офицеров отошли на край дороги, чтобы не мешать движению техники.

С бронетранспортера что-то крикнули, лысый указал рукой на убитого конвоира и что-то крикнул в ответ. Что-то такое, что, наверное, должно было успокоить немцев.

С бортов бронетранспортера стали прыгивать солдаты. Их было десятка два, и вооружены они были автоматами, и на касках у них Севка разглядел в бинокль белые молнии.

– Это эсэсовцы, – выдохнул Севка. – Сейчас...

Эсэсовцы развернулись в цепь поперек дороги, офицер на бронетранспортере отдал приказ, и бронированная машина двинулась вперед.

Длинная очередь из пулемета прошла по колонне пленных неторопливо, трассирующие пули, хорошо заметные в наступающих сумерках, вязли в человеческой массе. Колонна дрогнула, пленные все еще не верили в происходящее и продолжали стоять, словно не видя, как падают люди рядом с ними.

Открыли огонь автоматчики, и пленные, наконец, побежали. Попытались бежать. Два десятка автоматов и пулемет с дистанции в два десятка метров шансов на спасение почти не оставляли.

Люди падали-падали-падали...

Севка выронил бинокль и зажал уши. Он не видел, как несколько пленных перемахнули через кювет и бежали по полю, даже не пытаясь рассыпаться. Бежали, пока пулеметная очередь одним движением не вычеркнула половину из них из списка живущих.

Севка не видел, как лысый корчился в пыли, получив пулю в живот, как немцы убрали труп конвоира с дороги и бронетранспортер медленно двинулся по телам раненых и убитых, наматывая на гусеницы кровавые лохмотья.

Когда колонна закончилась, бронетранспортер остановился, солдаты в него залезли, загрузив предварительно тела погибших конвоиров.

Бронетранспортер уехал.

– Все, – сказал Орлов и тронул Севку за плечо. – Все закончилось.

Но закончилось далеко не все.

Глава 2

31 июля 1941 года, 03 часа 40 минут.

Западный фронт

– Скоро встанет солнышко, – сказал Сличенко. – Утро. Всякая тварь проснется и потянется... В том числе немецко-фашистские агрессоры. Каждая козявочка радуется солнечному лучу и ясной погоде. И немецко-фашистские агрессоры тоже радуются. Только мы, бойцы и командиры Рабоче-Крестьянской Красной армии не радуемся солнцу и чистому небу... Ну и, конечно, комиссары, политруки и другие бойцы идеологического фронта... А почему так все противоестественно выходит, а, комиссар? Молчишь? Тогда я тебе скажу...

Капитан мельком глянул на комиссара своей батареей.

– Выходит так потому, что наши красные орлы, сталинские соколы, просрали войну в воздухе. Вчистую, как дети. Не нужно, комиссар, не возмущайся. Ответь лучше, если я вот прикажу машинам двигаться днем, что ты мне скажешь... сказал бы? Небось схватился бы за пистолет, обвинил во вредительстве и халатности. Ну, и в глупости, конечно. Кто же ездит днем по дорогам при хорошей погоде и господстве противника в воздухе? Полном господстве, обрати внимание. Полном. Где соколы товарища Сталина? Где стальные армады, которые мы видели в фильмах до войны? Нет, я не спрашиваю, где немецкие коммунисты, которые в тех же фильмах бросались нам на помощь. Меня интересуют наши еропланы. Сгорели наши еропланы. Сбиты наши еропланы. В заднице наши доблестные военно-воздушные силы...

Сличенко лег на землю, заложив руки за голову.

– Молчишь, комиссар? Правильно делаешь. Потому что наши военно-воздушные силы там же, где бронетанковые войска, артиллерия и флот... Хотя про флот – это я, наверное, загнул. Про флот у меня информации нет, но как-то слабо верится, что на общем фоне наши краснофлотцы чем-то особенным выделяются. Кстати, идеология наша тоже глубоко в заднице. Спросишь, почему? Отвечу. О немецких подпольщиках я уже сказал. Молчат они, не особо рвутся в бой. Немецкий и прочий европейский пролетариат также что-то не выходит на баррикады. Где международная солидарность, я тебя, товарищ политрук спрашиваю? Только мировая буржуазия в лице Англии и Америки к нам на помощь и пришла. Не нужно, не возражай, все равно ничего толкового не скажешь. Лучше помолчи. И послушай. Тишина какая вокруг... Это ненадолго, имей в виду. Сейчас птичка какая-нибудь голос подаст, вторая подхватит... Помню, когда в училище был, на посту в третью смену стоишь, с четырех до шести, и вроде спать только что хотелось, рот чуть ли не разрывался от зевков, до хруста за ушами зевал... А тут – птаха. И воздух вроде как свежее делается, не холодный, сырой, а именно свежий. И с пузырьками, как ситро... Прямо с поста уходить не хотелось, честное слово...

Словно в подтверждение слов капитана, где-то неподалеку подавала голос птица.

– Вот! – Капитан поднял голову. – Начинается. А машин со склада все нет... Неужели передумал товарищ военинженер первого ранга? Обидно будет, а, комиссар? Мы так с тобой спорили, поссорились даже, у меня горло прямо болит от нашей дискуссии... Тебе проще, комиссар, ты привычный к выступлениям, а я больше из пушек приучен стрелять. Хорошо, кстати, стреляю! Моя батарея была лучшей в округе. Знаешь, что мы умудрялись делать накрытие с первого залпа? И поражение со второго? Я на спор, на два ящика армянского коньяка, двадцатимиллиметровый снаряд в квадрат два на два с дистанции в полтора километра укладывал. Не веришь? Вот и парни не верили, пока коньяк не проспорили. Я, наверное, мог бы в цирке выступать со своей гаубицей. Только нет ее, моей родимой. Комиссар батареей, политрук товарищ Аркадьев, четко выполнил приказ и лично подорвал орудия и тягачи, оставшиеся без горючего. Молодец, товарищ Аркадьев. Ценой своей жизни, так сказать... Вот ты, комиссар,

сможешь так – ценой своей жизни не допустить захвата секретной техники врагом? Наверное, сможешь... Смог бы...

Сличенко посмотрел на часы, неодобрительно покачал головой. Егоров опаздывал. Это если вообще собирался выполнить странную... да что там странную – преступную просьбу капитана Сличенко. Нужно наконец решиться, установить предел, после которого можно прерывать ожидание и приступать к выполнению боевой задачи, поставленной начальством... И сроки выполнения которой уже сорваны. Напрочь сорваны. Комиссар еще позавчера стал требовать серьезного разговора на эту тему. Наверное, он был прав...

Сличенко снова посмотрел на неподвижную фигуру комиссара возле векового дуба, вздохнул.

– Понимаешь, у меня не было времени... Если бы можно было поговорить спокойно, без спешки... Я бы тебя убедил, точно говорю – убедил бы без крика, без ссоры... смог же военинженера Егорова убедить за пять минут разговора. Ну да, он техник, ему ваши идеологические фокусы не слишком близки и понятны. У него есть оружие, он умеет его применять, ему этого не позволяют, а тут появляется возможность... повод, так сказать. Как тут удержаться? Хотя да, ты прав – его пока нет, и это значит, что он, может, и не придет. Или у него тоже есть свой комиссар, который встал поперек дороги и схватился за оружие, прямо как ты... Зачем ты схватился за пистолет? Убить меня собирался? Или только припугнуть? Хорошо еще, что мы отошли в сторону, что не начал ты разборку при личном составе. Когда комиссар собачится с командиром, это пагубно отражается на дисциплине...

Сличенко замолчал – из-за дуба, возле которого сидел политрук Лушников, выбежала белка. Замерла, пригнувшись, посмотрела на политрука.

– Не спугни, – одними губами произнес Сличенко. – Жаль, что орешка нет, угостить животное.

Белке запахи на поляне не понравились, и она, недовольно застрекотав, исчезла на дереве.

– Если бы я не стал артиллеристом, точно ушел бы в лесники, – сказал Сличенко. – Деревья, зверье, птички – идиллия! Хотя положить все четыре снаряда батареи в один окоп – тоже неплохо. Тут чутье нужно. Но, похоже, скоро это и не понадобится... На кой хрен при наших установках еще и голова? Нет, ты скажи – на кой хрен? А, это начинается обсуждение действия начальства, это ты не приветствуешь. Извини. Только поясни мне, какого рожна меня, артиллериста от бога, прикрепляют к этой батарее, где вполне хватило бы десятиклассника с таблицей стрельбы и компасом? Определил по карте направление и расстояние, поднял направляющие на нужный угол, крутанул ручку на ПУО и пожалуйста – шестнадцать снарядов за десять секунд. Четыре тяжелые батареи в одной упаковке. На хрена тут целиться и вычислять? По площади! Ставишь три установки – двенадцать стотридцатидвухмиллиметровых батарей сразу накрывают здоровенный участок! Флеров со своей семьей установками раскатал железнодорожную станцию в Орше в блин. И моя батарея... извини, комиссар, наша батарея должна была отстреляться по станции. Только не отстрелялась пока. Тут ты прав, комиссар, совершенно прав – это пахнет невыполнением приказа. Да что там пахнет – воняет. Разит за версту! Но это только по форме. А по сути... по сути, мы должны нанести противнику как можно больше вреда. И я этим собираюсь заняться. Если, конечно...

Капитан снова посмотрел на свои часы, повернулся и глянул на дорогу. Пусто.

– Глупо может получиться... Мы с тобой ссорились, чуть до драки дело не дошло, я пошел на преступление, а он не придет. И что мне тогда прикажешь делать? С повинной возвращаться? Или сразу пулю в лоб пускать? Скажу правду – расстреляют. Попытаюсь соврать? Опять расстреляют, независимо от тебя, комиссар, независимо от тебя. Я же подставляюсь! Я должен был при первой информации о немецком прорыве... очередном немецком прорыве батарею немедленно вывести из-под удара, из потенциального окружения... А я сижу на месте. И не собираюсь никуда идти. Жду, когда немцы сами сюда придут. Похоже на вредительство?

Очень похоже. Даже не на вредительство, а на предательство похоже. Но только похоже! А разве то, что сделали со всеми нами, на предательство не похоже? На что похож военный городок, превращенный в руины авиацией противника? А мои дети и жена, которых я все-таки смог найти среди руин, – они на что... на что они были похожи? Не на моих детей и жену, мои жена и дети – красивые, веселые. Живые. А я нашел измазанные кровью туловища... А правую ручку моей дочери я вообще не смог найти. Старался, даже звал ее, руку моей Лялечки... А она не отозвалась! – Сличенко сел, обхватил голову руками. – Они лежали на битых кирпичах... Они одеться не успели... Им, наверное, было холодно. Я копал им могилу голыми руками, ногти срывал, а ко мне подбежал мой командир дивизиона, Лешка Мамонтов, и потащил за руку прочь... Нужно было выводить из парка все, что осталось от нашего полка... Я не хотел уходить, я хотел похоронить моих детей и жену, но он позвал двух бойцов, и меня унесли... Связали и забросили в кузов тягача и только через пятьдесят километров развязали... Я на Лешку не в обиде, нет. Он все сделал правильно. А те, кто нас подставил под это, кто не отдал нам, дисциплинированным и послушным, приказ готовиться к войне... семьи эвакуировать из приграничной полосы?.. Вот с этих бы я спросил, комиссар. С этих бы я спросил... Нет, нет-нет-нет-нет – я понимаю, что всего не предусмотреть. Я даже понимаю, что мы должны были там находиться, иначе и быть не могло, я даже почти смирился с тем, что моя семья осталась непогребенной, – мы должны приносить жертвы ради победы, ради своей страны... Но почему мы должны соизмерять свои удары, почему мы должны отказываться от возможности убивать сотни и тысячи врагов? То есть их мы должны жалеть, проявлять гуманизм, а они... Они проявили гуманизм тогда? Или моя семья недостойна даже крохотной капельки этого самого гуманизма?

Капитан вскочил на ноги, подошел к комиссару и, присев перед ним на корточки, заглянул в лицо, словно надеялся увидеть там ответ.

– Вот, смотри! Смотри, комиссар! Вот я! Я здесь и сейчас! Что я должен был делать, когда все сложилось так, как сложилось? Меня поставили на эту батарею... Я не просил. Я требовал, чтобы меня отправили на фронт, а мне сказали – раз хочешь отомстить, вот тебе возможность. Карай на здоровье! А потом оказалось, что тут есть склад, на котором главным мой бывший знакомый. И у него есть то, что сделает мой удар еще сильнее, а мою кару – еще страшнее. Отказаться от этого? Оставить возможность тем ребятам на самом верху заключить договор с немцами, когда все совсем станет плохо? Они же могут! Когда почувствуют, что все, что еще секунда, и позвоночник этой страны лопнет, а их, всем известных из хроники и с фотографий, начнут ловить и вешать, – они не пойдут на переговоры? Не найдут аргументов, чтобы убедить себя в необходимости и неизбежности похабного мира? Как в восемнадцатом, в Бресте? А я был в Бресте в тридцать девятом, участвовал в совместных мероприятиях. Мы вполне можем договориться. И моя жена не будет отомщена. И мои дети не будут отомщены. Это справедливо? Я тебя спрашиваю – это справедливо? Так я сделаю все, чтобы это стало невозможным. Сделаю так, что война будет идти до полного уничтожения одной из сторон... Слышишь? – Капитан протянул руку, чтобы тряхнуть комиссара за плечо, но вместо этого просто махнул рукой и встал. – Да что с тобой разговаривать, комиссар... Ты и раньше был человеком несговорчивым, а сейчас...

Капитан снова посмотрел на часы, хотел что-то сказать, но тут услышал шум автомобильных моторов.

– Приехал, – усмехнулся капитан. – Приехал военинженер первого ранга! А ты говорил, что я сошел с ума и что никто не станет мне помогать... А мне и не нужно, чтобы много народу помогало. Бойцам все равно, что делать. Бойцы мне верят. Так что мне нужен военинженер Егоров, нужны мои установки и нужно, чтобы ты молчал. И все это у меня есть...

Сличенко взял автомат, стоявший у дерева, повесил его на плечо.

Два «ЗИС-6» съехали в заросшую лесом ложбину.

– А я просил три, – покачал головой Сличенко. – Ну да ладно. Извини, комиссар, с собой не зову.

Капитан, не оглядываясь, пошел к дороге.

Комиссар его батареи, политрук Сергей Валентинович Лушников, орденосец, ничего ему не сказал. И даже не попытался остановить. Сидел, прислонившись спиной к дубу, и смотрел прямо перед собой равнодушным, немигающим взглядом. Так, как могут смотреть только мертвецы.

На рукоять ножа, торчавшего прямо под орденом Красного Знамени, села бабочка.

* * *

Несколько человек из колонны все-таки выжили. Севка даже обрадовался, когда услышал шорох шагов и запаленное дыхание беглецов. Рассмотреть, сколько их, было трудно – солнце уже село, но по звукам выходило, что не меньше десятка выжили в той бойне, и получалось, что Орлов все-таки спас жизнь нескольким пленным.

– Слышишь? – спросил Севка, поднимаясь с земли и отряхиваясь. – Слышишь?

– Слышу. – Орлов стал рядом, чуть позади, и Севке послышалось, будто что-то металлически щелкнуло.

– Ты чего? – удивился Севка, услышав в голосе старшего лейтенанта нечто вроде разочарования. Или усталости. – Это же...

– Я знаю, – сказал Орлов. – Это те, кто обязан нам своим спасением. Я знаю...

– Товарищи! – Севка шагнул из-за деревьев навстречу бегущим. – Сюда, товарищи!

Послышался невнятный возглас.

Серые силуэты приблизились, и Севка смог рассмотреть лица бегущих солдат, и не было на этих лицах ни радости, ни благодарности.

– Хорошо, что вы... – Севка даже протянул зачем-то руку. Может, чтобы поздравить спасенных или ответить на дружеские рукопожатия.

Первый удар пришелся по лицу вскользь, кулак зацепил щеку и ухо. Севка механически отшатнулся, и второй удар, летевший точно в лицо, пришелся в пустоту.

– Сука! – хрипло выдохнул тот пленный, что ударил первым. – Тварь комиссарская!

Толчок в грудь – Севка упал навзничь, взмахнув руками. Удар о землю выбил из легких воздух, но Севка по инерции перекатился через спину и оказался на четвереньках. Поэтому следующий удар пришелся в бок, стало очень больно, руки подломились.

– Мать твою! – Возле Севки оказались трое, и все трое стали его бить ногами.

Удар, удар, удар...

Нападавшие торопились, мешали друг другу и все никак не могли восстановить дыхание, поэтому большинство ударов приходилось либо в поставленные руки, либо в плечи-бедро.

– Да... вы... что... – пытаясь уклониться от ударов, по слогам выкрикнул Севка. – Мы же вам жизнь спасли...

– Жизнь, сука, спас! – Удар достиг ребер, боль согнула Севку вдвое. – Это ж из-за тебя... Из-за тебя...

Пахло потом, страхом и ненавистью. Земля забила рот, удары сыпались все чаще, и даже сквозь вполых боли Севка ясно понял, что жить ему осталось всего несколько минут, что не отпустят, не пощадят его... Кобура давила в бок, Севка был вооружен, а убивали его безоружные, но ничего он не мог поделать, не мог убрать рук от лица, не мог вырваться или хотя бы встать на ноги.

– Мужики, может, живьем его? – раздался голос откуда-то сверху. – Сдадим немцам, может, они и примут во второй раз?

– Они и так примут! – зло ответил второй. – Мы другого найдем, если что, много их по лесам сейчас бегают... А этот... Эта сука мне ответит... Это ж из-за него...

– Из-за меня, – прозвучало от рожицы. – Это я стрелял в конвоиров.

Старший лейтенант Орлов произнес эту фразу спокойным, ровным голосом. Он не кричал о том, что вооружен, не требовал прекратить, не угрожал, но все внезапно замолчали, а удары прекратились.

– Еще один? – спросил хриплый голос, тот, что собирался убить Севку. – Так он не один...

– Не один, нас – трое. Я, старший лейтенант Рабоче-Крестьянской Красной армии Орлов, винтовка Мосина и пистолет тульский – «токарев». И нам всем троим не нравится, как вы ведете себя по отношению к старшему по званию.

– Старший лейтенант... – выдохнул пленный. – Не нравится...

Или он пропустил упоминание оружия, или просто не обратил на это внимания. Или то, что гад, убивший немецких конвоиров и обрекший на смерть несколько десятков человек, был всего в двух шагах, был один против десятка озверевших от страха и ненависти людей, ударило бывшим пленным в голову.

Севка увидел, как топтавшие его медленно повернулись к старшему лейтенанту, как медленно двинулись на него, охватывая полукольцом...

– Не стоит! – спокойно сказал Орлов. – Я ведь шутить не буду...

Пленные бросились на него.

Грохнул выстрел, один из пленных упал навзничь возле Севки, выдохнул ему прямо в лицо, Севка дернулся в сторону, но не смог – еще один выстрел, и второй труп упал прямо на Севку.

Выстрел-выстрел-выстрел-выстрел...

Севка столкнул с себя мертвое тело, вскочил, на шаривая кобуру.

Выстрел-выстрел... Два торопливых выстрела подряд...

– Бей! – закричал кто-то. – У него патроны кончились...

Четкий, хлещащий удар. Крик, переходящий в хрип.

– Сука! Бей! Хрясь! Твою мать...

Севка вытащил револьвер, поднял его.

Несколько одинаковых серых фигур кружились в странном танце без музыки и ритма, звучали глухие выкрики, а под сапогами хрустела трава...

– Держи его за руки! – прорычал кто-то. – Винтовку, винтовку заberi... И прикладом его...

Один из силуэтов взмахнул винтовкой.

Севка бросился вперед, в голове звучал его собственный беззвучный истошный крик, требовавший бросить все и бежать, спастись, но что-то гораздо более сильное, чем инстинкт самосохранения, заставило Севку подбежать к тому, кто был с винтовкой, и в упор, почти приставив ствол револьвера к голове, нажать на спусковой крючок.

Спуск был тугой, рука дрогнула, и выстрел прозвучал неожиданно даже для Севки. Вспышка осветила коротко остриженный затылок и почти ослепила Севку.

– Орлов, ложись! – заорал Севка, хватая револьвер двумя руками, как в американском кино. – Ложись!

– Есть! – прозвучало в ответ, и Севка стал стрелять по теням, замершим в двух шагах от него.

Теней было всего три. Это были не люди – просто три плохо различимых в сумерках мишени, вырезанных из серого картона. И не было ничего сложного в том, чтобы всадить в каждый из них по пуле.

Раз-раз-раз...

С третьей мишенью Севка поторопился, нажал на спуск слишком рано, промазал, картонная фигура вдруг ожила и побежала прочь, к дороге.

– Не упускай! – крикнул Орлов. – Не упускай!

Севка попытался прицелиться, но не увидел мушки револьвера, было слишком темно.

Он наугад трижды выстрелил в сторону бегущего, но не попал.

Орлов вскочил и бросился за убегающим.

Севка подумал, что нужно достать из полевой сумки патроны и перезарядить револьвер. Достать патроны и перезарядить...

Снизу, из-под самых ног, послышался звук, тонкий, почти мелодичный. Стон. Кто-то из тех, в кого стрелял Севка, все еще был жив. Он стонал и пытался ползти. Или просто скреб землю, все еще не веря в то, что умер.

Орлов нагнал пленного. Севка не видел, что именно там происходило, слышал только, как кто-то пронзительно закричал. Крик прокатился по полю, взлетел к темному небу и погас.

И шевеление на земле у ног Севки тоже прекратилось.

«А сумка осталась под деревом, – отстраненно подумал Севка. – Там, возле березы». А еще Севка подумал, что только что убил человека. И не одного. Подумал и с ужасом замер, ожидая, что сейчас к горлу подступит тошнота, а чувство вины и ненависти к самому себе заполнят его сознание...

Сумка и патроны. Это было гораздо важнее, чем коротко остриженный затылок, освещенный вспышкой выстрела.

– А ты у нас герой. – Орлов подошел к Севке и хлопнул его по плечу. – Я уж думал – все...

– Что – все?

– Что тут мне и смерть пришла. Успел даже огорчиться немного... – Орлов высморкался. – Вот, нос мне, кажется, погнули... Честно – я не думал, что выживу. Неприятное, скажу тебе, чувство... Только подумать, я – и промазал трижды. Трижды – и почти в упор... А ты – молодец. Считай, что мы квиты.

– «Квиты» по-украински значит цветы, – сказал Севка. – Цветочки.

– Тоже вариант. – Орлов несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. – Ладно, нужно уходить. У тебя как с патронами?

– Пачка в сумке.

– Это хорошо. У меня еще один магазин. И все. Еще одна такая выходка с нашей стороны, и даже застрелиться будет нечем. – Орлов нагнулся, голос стал глухим. – Где тут моя винтовка? К ней у меня еще четыре обоймы...

Севка шагнул к рожице, споткнулся обо что-то мягкое и чуть не упал. Осторожно переступил через покойника.

Пока искал сумку и фуражку, Орлов собрал свое имущество.

– Слышь, Орлов, ты не можешь перезарядить мой револьвер? – попросил Севка.

– Руки дрожат? Ладно, бывает. Ты вообще неплохо держишься. Когда я своего первого убил, мне совсем плохо было.

Орлов взял у Севки «наган», выбил на ощупь из барабана гильзы, потом разорвал пачку с патронами, часть вставил в барабан, а остальные отдал Севке. Тот ссыпал их в карман галифе.

– Все, – сказал Орлов. – Нам пора. Общее направление – на северо-восток. Шагом марш. И они пошли.

Идти было не очень удобно, земля была неровной, километра через два Севка чуть не сверзился в воронку посреди поля. То ли прилетел шальной снаряд, то ли самолет случайно сбросил бомбу, решил Севка.

Часа через полтора они добрались до леса. Идти стало еще труднее. Лес был густым, с богатым подлеском, с низкими ветками, норовившими расцарапать лицо или хотя бы сбить фуражку. Пришлось ее снять и нести в руке.

– Так. – Орлов остановился, Севка, уже давно ничего не различавший, натолкнулся на него и замер. – Так мы далеко не уйдем, как полагаешь?

– Полагаю... – сказал Севка, осторожно потрогав свежую царапину на щеке.

– Значит, привал до восхода. Располагайся.

– Где?

– Там, где стоишь, – ответил Орлов. – Падай.

Севка сел. Потом лег, под локтем хрустнула ветка.

– Смотри не напорись на сучок или корень, – посоветовал Орлов. – Как самочувствие?

– Нормально. Нет, правда, нормально, – торопливо добавил Севка, которому в молчании старшего лейтенанта померещилась ирония.

Севка хотел добавить что-то энергичное, типа «все пучком» или, там, «круто», но подумал, что фраза может оказаться непонятной для Орлова. Лучше говорить на литературном языке, без всяких там неологизмов, арготизмов и прочих новоделов.

– А чего они на нас бросились? – спросил, немного помолчав, Севка.

– Убить хотели, – ответил Орлов. – Ты что, сам не понял?

– Это я понял, но почему?

– Знаешь, товарищ младший политрук, ты меня удивляешь. Нездешний ты какой-то. Хотя, с другой стороны, ты же, как политработник, должен всех делить по классам. Вот ты по происхождению кто?

– Мама – учитель. Отец... Отец – журналист, – честно ответил Севка, надеясь, что не придется объяснять старшему лейтенанту, откуда в советском Харькове могла взяться газета «Харьковские губернские ведомости».

Можно было сказать, что отец работал ответственным секретарем в «Вечерке», но черт его знает, была эта газета до войны или нет.

– А у меня – отец военный, а мать... Мать не работала. То есть классово мы с тобой принадлежим к прослойке. Где-то между рабочим и колхозницей. И защищаем власть рабочих и крестьян. Так?

– Так.

– А рабочие и крестьяне, как мы с тобой обнаружили, не так чтобы горят желанием эту свою власть защищать. Так?

Севка промолчал.

– Да все так, – засмеялся Орлов. – Такая путаница замечательная получается, обхохочешься.

– Но ведь не все же...

– Не все. Тут ты совершенно прав. Но разве это значит, что те, кто вот там, на дороге, ждал немцев, чтобы второй раз сдать в плен... они что, сильнее хотят жить, чем те, которые умирают в окопах? Честно умирают? В империалистическую... В империалистическую войну та же чушь была. Под конец, в революцию. Одни продолжали воевать за родину, другие призывали все бросить ради идеи... А третьи... Третьи просто решили выжить... – Голос Орлова стал задумчивым. – Вот эти третьи...

– А тебе сколько лет? – спросил Севка.

Историю он знал плохо, но то, что Первая мировая война закончилась в восемнадцатом, помнил. Если сейчас сорок первый, то получалось, что та война закончилась двадцать три года назад. И было старшему лейтенанту Орлову тогда никак не больше пяти лет.

– Мне – двадцать шесть. Я – пятнадцатого года рождения. Мне отец рассказывал. Папа. Ему пришлось повоевать и в Мировую, и в Гражданскую... Вот он рассказывал, что побеждали те, кто мог заставить желающих выжить любой ценой идти на смерть...

– Это как?

– А очень просто. Ты объясняешь такому жизнелюбу, что если он не пойдет в атаку, то ты его расстреляешь. И он прикидывает, что тут он погибнет точно. Без всяких вариантов. А там, в атаке, у него есть шанс. Пусть даже совсем крохотный, но шанс. И они шли в атаку. Те, кто за идею, и те, кто хотел остаться в живых. Человеку свойственно все упрощать. Сводить свою жизнь к простым движениям... – Где-то рядом, почти над самой головой истошно закричала птица, Орлов замолчал, прислушиваясь.

Было тихо. «Птице, наверное, приснилось что-то страшное, или она выпала из гнезда, – решил Севка. – Интересно, птицы видят сны?»

– Ладно, – сказал старший лейтенант. – Давай спать.

– Но ты не закончил.

– Про что? Про тех, которые хотели нас в благодарность убить? Что тут заканчивать? Они свели свою жизнь к очень простому действию – сдаться в плен, переложить ответственность за свою дальнейшую жизнь на немцев. Немцы ведь не погонят их в атаку. А наши – наши обязательно погонят. Вот тут и прикинь, что безопаснее. Я вообще удивляюсь, отчего еще заложников не берут...

– Каких заложников?

– Обычных, из семей воюющих. Погиб – молодец, паек и пособия для семьи. Сдался в плен – всем будет плохо. – Орлов сделал паузу. – Нет, все-таки хорошо, что я не маршал. Я бы столько народу загубил... Или спас. Ты как думаешь?

Севка не ответил.

– Ну, спи... – тихо пробормотал Орлов, завозился, устраиваясь на земле, и затих.

Даже дыхания не было слышно.

А Севке спать не хотелось. Сердце часто-часто стучало, удары его отдавались во всем теле, оседая с легким шорохом где-то в голове.

День. Прошел всего только один день. И то, что вначале показалось Севке невероятным и важным, теперь стало почти ничего не значащим, будто и не было ничего до того, как Севка очнулся посреди поля.

Кто-то когда-то сказал при Севке странную фразу, которой тот поначалу не придавал особого значения, отложил по привычке в голове как странную, экзотически звучащую сентенцию, а вот сейчас...

Человеческое сознание устроено правильно, сказал кто-то. Чтобы защитить человека от безумия, мозг вначале не верит, а потом – не помнит.

Вот и Севка, наверное, утром так и не поверил в реальность всего происходящего, а теперь стал забывать то, что было раньше. Не забывать, нет, прошло слишком мало времени. Мозг услужливо завернул все, что было до этого дня, в вату, прикрыл острые углы воспоминаний, спрятал режущие грани ужаса...

И теперь мысли потихоньку стали приобретать простоту и недвусмысленность. Не понять, что произошло этим утром, а дожить, дождаться следующего. Не придумать, как все повернуть вспять, а найти способ выжить. И не до конца войны, нет, а как пережить эту ночь, как не умереть в следующий день.

Это состояние было знакомо Севке по срочной службе. Не поступив сразу после школы в университет, он сгоряча не стал прятаться от военкомата или нести военному стандартные в таких случаях триста долларов – просто, получив осенью повестку, отправился на комиссию. От него, похоже, ждали, что он либо станет просить освобождения, либо будет настаивать на призыве. И в том, и в другом случае с него содрали бы те самые три сотни, а он просто сидел в коридоре военкомата и ждал своей судьбы.

И только попав в часть, Севка сообразил, что это на целый год, что теперь от него ничего не зависит, что теперь придется триста шестьдесят пять дней ждать, когда его отпустят, что эти проклятые триста шестьдесят пять дней придется просто вытерпеть, пропустить над собой...

И вот теперь, в ночном лесу, его снова охватывало то же самое чувство – перетерпеть. Все само собой закончится, станет понятным. Появится простое объяснение всего происходящего.

Ну, не может ничего страшного случиться с Севкой Залесским. С кем угодно, только не с ним. Его могли несколько раз убить. Но ведь не убили. Пилот не стал стрелять, мотоциклист не попал, а те, что пытались втоптать его в сухую землю, умерли.

Он сам убил нескольких из них. Убил.

У Севки перехватило дыхание, горло будто судорогой свело, выдавив слабый стон.

Он убил. Его хотели убить... Его убивали, и он убил. Его хотели убить. Его!

«Мамочка, – прошептал одними губами Севка, – за что? За что меня так? Почему меня забросило в это смертельное лето? И...»

Севка заскулил, прижимая руки к лицу.

Вспышка выстрела осветила затылок того пленного. Севка тогда не увидел, как пуля ударила в затылок, не знал, проделала она аккуратную черную дырочку в черепе или разворотила, раздробила кость.

Но сейчас Севка вспомнил запах – смесь кислого сгоревшего пороха и сладкий привкус крови. Крови.

У него тогда не было времени, чтобы осознать все происходящее, нужно было выжить, потом он просто шел за Орловым, и самым главным желанием его было не упасть, не подвернуть ногу или не напороться на сучок... А еще потом он слушал голос Орлова, не особо даже вникая в смысл того, что старший лейтенант говорил, и только сейчас, оставшись один на один с собой, осознал...

Волна озноба прокатилась по телу. Севка скорчился, подтянул ноги к животу, чтобы хоть как-то согреться. Согреться.

Тишина ночного леса, казавшаяся до этого глухой и монолитной, вдруг обрела ясность и прозрачность, распалась на тысячи звуков и отзвуков, стала гулкой и бесконечной. Где-то далеко кричала птица, что-то похрустывало вокруг, шуршало, шелестело и постукивало.

Зашевелились ветки на вершинах деревьев, ветер принес издалика собачий лай и звуки выстрелов. Очень далеких, неопасных для Севки.

Три... нет, четыре щелчка на самом пределе слышимости и какая-то торопливая, будто скомканная очередь.

Севка, успокаиваясь, со всхлипом вздохнул.

Он выживет. Он сможет. Он сильный. Он же смог пережить то, что мать и отец погибли, смог не сойти с ума, поняв, что остался на свете совсем один.

Приятеля поглядывали на него с опаской и подозрением. Тот же Богдан пару раз, стараясь быть незаметным, проверял его вещи на предмет наркоты и вроде как в шутку проверял внутренние сгибы локтей. Тогда Севка не сломался.

Не сломается и сейчас.

Для начала... Для начала нужно понять, как себя вести со старшим лейтенантом Орловым.

Может, нужно сейчас, в темноте, когда Орлов спит, просто отползти в сторону, потом встать на ноги и идти-идти-идти прочь, спрятаться, а потом, заучив, наконец, свои новые фамилию и имя, прибиться к группе окруженцев, выйти к фронту... Или остаться в партизанах. Орлов – единственный, кто слышал от Севки его настоящее имя и кто может понять, что документы в кармане гимнастерки – не его.

Уйти?

И что он может в одиночку? Это Орлов, не устроив допрос поначалу, больше спрашивать не будет, откуда взялся младший политрук Залесский, а любой новый знакомый даже не по подозрению, а из чистого любопытства засыплет вопросами. И что тогда?

Нужно...

Севка открыл глаза.

Лес был серым, солнца еще не было, но уже можно было рассмотреть все вокруг в подробностях.

Орлов сидел метрах в трех, прислонившись спиной к толстому дубу, и что-то рассматривал на карте, которую разложил на коленях. Несколько раз он сделал пометки, заложил карандаш за ухо, сорвал травинку и сунул ее в рот.

Он что-то напевал, губы шевелились, но Севка не смог разобрать ни звука.

– Доброе утро, – сказал тихо Севка.

– Доброе, – согласился Орлов. – Немного голодное, но тем не менее. Мы с тобой, кстати, прошли не так чтобы очень много. Фельдмаршал Суворов был бы нами недоволен. В общей сложности выходит всего восемь километров от места нашего героического сражения... Вот там, – Орлов взял карандаш и указал перед собой, – километрах в пяти, кирпичный завод. А вот там, – карандаш указал за спину, – в восьми километрах, лесничество, потом село Яровое, и дальше, на северо-восток, через тридцать километров река и мост. И что это значит?

– Не знаю.

– А значит это, что там могут быть части героической Красной армии. Река – неплохой рубеж обороны, а мост – объект, который нужно защищать. В той стороне днем не грохотало, особо крупных населенных пунктов там нет... Так что вполне может быть, что там мы выйдем к своим. Возражений нет? – Орлов сложил карту, сунул ее в свою полевую сумку, карандаш покрутил между пальцев и тоже спрятал. – Спрашиваю, возражений нет?

– Нет. – Севка сел, попытался потянуться и застонал, почувствовав тягучую боль в левом плече и правом боку.

Растегнул ремень, задрал гимнастерку и обнаружил на ребрах черно-лиловый синяк.

– Красиво, – оценил Орлов. – Если бы чуть сильнее – сломали бы тебе их к чертовой бабушке. И как бы мы тогда шли? Нет, не нужно было мне встречать... И грехов бы на душе было бы меньше. А ведь могли нас и вообще... того...

Севка встал, одернул гимнастерку и, отвернувшись к дереву, растегнул ширинку.

– Тоже правильно. – Орлов вскочил на ноги, сделал несколько взмахов руками. – Физическая подготовка, товарищ младший политрук, штука не менее важная, чем подготовка политическая. В здоровом теле, как говорится, здоровый дух...

– А ты не знаешь, Данила, что на самом деле эта фраза у греков звучала по-другому? – Севка оправился, застегнулся и стал подгонять ремень с портупеей. – Древний грек говорил, что теперь нам остается надеяться, что в здоровом теле появится и здоровый дух. С иронией говорил, между прочим.

– Серьезно? – Орлов присел, выставив руки перед собой, встал. Снова присел. Встал. – А так хорошо звучит! Ну, не знаю, не знаю. Лично мне хорошая физическая форма никогда не мешала. Вот и вчера...

– Уходим? – спросил Севка.

– А почему и нет? – Орлов выпрямился, решительным движением обеих рук заправил гимнастерку, повернувшись к Севке лицом.

Значит, вот так это делается. Севка торопливо поправил свою гимнастерку и даже успел порадоваться, что вчера его гнали немецкие мотоциклисты и Орлов, наверное, списал странный внешний вид младшего политрука на суету и неразбериху.

А потом Севка спохватился:

– Слушай, Данила, а как ты на местности сориентировался? Ни черта же не видно. Даже солнце еще не взошло...

– А я, пока ты спал, залез на вершину дерева и осмотрелся. Трубы кирпичного завода – единственные трубы на всю округу, если верить карте. Ну а восток горит зарею новой, тут не спутаешь. Так что все точно, можно идти. Со мной не заблудишься.

И они пошли.

Теперь, когда все было видно, идти стало легко, подлесок не казался таким густым, а ветки не так чтобы очень злобно бросались в лицо. Получалась почти прогулка.

Через пару километров они наткнулись на ручей, и Орлов приказал умыться. Нечего выглядеть парой бандитов. Они, сказал Орлов, старший лейтенант и младший политрук, а не черт-те что!

Еще через час Орлов вдруг резко остановился.

– Слышь, Залесский. – Старший лейтенант сел на пенек и сорвал дежурную травинку. – Давай договоримся...

– О чем?

Севка наклонился, упершись руками в свои колени. Не так много они прошли, но Орлов задал высокий темп, и Севка немного запыхался.

– Если мы вдруг наткнемся на наших... на окруженцев. – Орлов пожевал травинку. – Может возникнуть недоразумение.

– Какое?

– Ну... Нас могут просто поставить в строй, например. Это ты такой покладистый, а какой-нибудь военинженер третьего сорта... то бишь ранга, окрыленный возможностью покомандовать личным составом, может и не согласиться с моим маршрутом движения. И что тогда?

– Не знаю, – честно ответил Севка, которому такие мысли, естественно, в голову не приходили. – Попытаемся убедить...

– Угу, – кивнул Орлов. – Ты мало сталкивался с военинженерами всех сортов. Хуже их только военврачи. Как начнет орать и оружием размахивать...

– И что ты предлагаешь?

– Значит, делаем так: при встрече с любой группой ты молчишь. Представился, если нужно, старшему по званию, и молчишь. А говорить буду я.

– А какая разница?

– В общем, небольшая. Но я смогу внятно наплести, что мы выполняем особое задание. Я из штаба фронта, между прочим, а не из какой-то там дивизионной газеты. Уловил разницу?

– Уловил.

– Значит, помнишь – мы из штаба фронта, я – главный, а ты в переговоры с кем бы то ни было вступать не имеешь права. Есть возражения? За? Против? Воздержались? Принято единогласно. – Орлов встал с пенка. – Шагом марш.

Через десять минут их окликнули.

– Стой! – прозвучало из-за дерева.

– Стою, – бодро ответил Орлов, разводя руки в стороны.

– Руки вверх! – Теперь команда прозвучала сзади, Севка искоса оглянулся и увидел штык, торчавший из куста.

– Уже поднимаем. – Орлов поднял руки над головой, словно делал зарядку. – Так хорошо?

– Пистолеты.

– Ты бы хоть появился, – не опуская рук, сказал Орлов. – А если ты не часовой Рабоче-Крестьянской Красной армии, а проклятый фашист? А я совсем разоружусь перед тобой?

– Стрелять буду, – чуть менее решительным голосом предупредил голос из-за дерева.

– То есть, выставляя тебя на пост в тылу противника, твой командир не предупредил тебя строго-настрого, чтобы ты не стрелял без особой, даже крайней необходимости? – изумление в голосе Орлова прозвучало настолько искренне, что даже Севка, потянувшийся было к кобуре, замер. – Ты бы, товарищ боец, думал, прежде чем угрожать старшему лейтенанту.

В крайнем случае, я бы тебе посоветовал смело действовать штыком и прикладом. Заколоть меня, например. А товарищу младшему политруку хватило бы и прикладом по голове.

Залегла тягостная пауза.

Птица вылетела из-за дерева и, пролетев перед самым лицом Севки, скрылась в лесу. На щеку село какое-то насекомое, поползло к глазу. Стало щекотно, но руку Севка опускать не стал.

– Так что будем делать? – поинтересовался Орлов. – Убивать будешь или поведешь к командиру?

– Стоять, не двигаться, – решился наконец тот часовой, что был впереди. – Калинин, бегом к капитану.

Сзади слышалось шуршание и хруст веток.

– Может, я еще и руки опущу? – спросил Орлов.

– Стоять!

– Ну, хоть за голову, – жалобно попросил Орлов. – Думаешь, легко вот так держать руки? Положу руки на затылок, и политрук – тоже. Он молчит, но ведь и у него уже мышцы затекли.

– Ладно, – подумав, разрешил часовой. – На затылок...

– Я еще и сесть могу, чтобы ты совсем не волновался. Вот винтовочку ногой подальше отпихну... – Орлов поддел ногой приклад винтовки и отбросил оружие в сторону, как палку. Мы сядем?

– Садитесь, – голос часового стал не таким напряженным и враждебным, как пять минут назад.

– Садись, Залесский, – приказал Орлов и сел на землю.

Севка сел рядом.

Минут через пятнадцать на поляну вышел капитан.

Петлицы Севка не рассмотрел, но тот представился, вскинув руку к пилотке.

– Капитан Фролов. Кто такие?

– Я могу опустить руки? – спросил Орлов.

– Да, можете.

Орлов и Севка встали.

Старший лейтенант откозырял четко, словно на параде:

– Старший лейтенант Орлов и младший политрук Залесский. Выполняем особое задание штаба фронта.

– Документы, – потребовал капитан.

Орлов шагнул к нему, на ходу доставая из кармана документы. Протянул и, когда капитан их взял, сделал шаг назад.

Капитан внимательно рассмотрел удостоверение, перелистнул несколько страниц.

– Младший политрук. – Капитан посмотрел на Севку.

– Младший политрук со мной, – с нажимом произнес Орлов. – Ко мне вопросы есть?

Капитан задумчиво посмотрел на старшего лейтенанта, и это было хорошо – Севка почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, жаром полыхнули щеки. Вот сейчас этот суровый офицер заметит, как покраснел младший политрук, все поймет... Или подумает, что все понял, отскочит за дерево и скомандует... И первая пуля ударит как раз покрасневшему младшему политруку между лопаток.

– Я должен проверить документы, – сказал капитан твердо.

– Вы вообще не должны нас видеть, – сказал Орлов. – Если честно, то я должен был бы вас пристрелить в целях сохранения тайны. Но вы мне симпатичны. Не верите? Давайте тогда вместе с вами доберемся до линии фронта, там до штаба армии, и вы объясните начальнику Особого отдела полковнику Медянину, отчего это сорвали выполнение важного задания. Или давайте стреляйте.

Капитан с сомнением посмотрел на Орлова, перевел взгляд на Севку.

– Ладно, следуйте в том направлении, – капитан указал за спину. – Бежать не советую.

– Документы верните, – усмехнулся Орлов. – И там у меня винтовочка в траве лежит, вы уж распорядитесь на ее счет. Мне за нее отчитываться в штабе.

Капитан отдал ему удостоверение и, пропустив мимо себя и старшего лейтенанта, и Севку, пошел следом.

Справа и слева вынырнули два красноармейца с винтовками наперевес. Штыки покачивались в метре от Севки.

Идти пришлось недалеко. Лагерь оказался всего метрах в двухстах от того места, где их остановили.

Часовой молча пропустил капитана и задержанных.

Под деревьями стояли две телеги, распряженные лошади фыркали время от времени, люди спали на земле. Человек пятьдесят, прикинул на глаз Севка.

– Стойте здесь, – вполголоса приказал капитан и отошел в сторону, за телеги.

– До роты, – сказал Орлов Севке. – Но не рота. Капитан – пехотинец, младший сержант справа – артиллерист. Вон тот, что спит под березой, сапер... Сборная группа.

– За мной, – приказал вернувшийся капитан.

– Я один пойду, товарищ капитан. А младшего политрука, если не трудно, отведите куда-нибудь в сторонку, чтобы он не маячил. Не нужно, чтобы его видели в лицо. – Орлов незаметно подмигнул Севке.

Капитан с сомнением посмотрел на Орлова.

– Ну, он же никуда не денется, товарищ капитан! – улыбнулся старший лейтенант. – Постоит, подождет. Если ваш командир мне не поверит, то вы всегда сможете восстановить статус-кво. Не так?

– Ладно, – кивнул капитан и оглянулся на невысокого крепыша с тремя треугольниками в петлицах. – Вы, Малышев, проведите товарища младшего политрука к оврагу. И там побудьте.

– Есть, – ответил крепыш. – Пойдемте, товарищ младший политрук.

Винтовку с примкнутым штыком он повесил на плечо, но близко не подходил, держался в двух шагах сзади, пока они шли к оврагу, и, разрешив Севке сесть, сам остался стоять в паре шагов, держась так, чтобы видеть руки и кобуру младшего политрука.

Интересно, подумал Севка, что сейчас плетет старший лейтенант? Какое такое задание придумал для себя, да еще такое важное и странное, что документы младшего политрука даже смотреть нельзя. Ну, не диверсантом же немецким его представил, в самом деле. Может, советским? Типа, ведет особого разведчика в тыл к врагу...

«Ага, – мысленно сыронизировал Севка. – Младшего политрука в форме со звездами к немцам в тыл. Так наверняка незаметнее. И двигались они, между прочим, из немецкого тыла. Фигня получается, если хотите знать мое мнение», – подумал Севка.

Но никого мнение Севки, похоже, не интересовало.

– У вас папироски не найдется? – спросил вдруг крепыш.

– А? – переспросил Севка. – Нет, не курю. Извините.

– Совсем без табачка хреново, товарищ младший политрук. Уши пухнут, хоть плач! И патроны есть, и еда, а без курева – никакого удовольствия от боевых действий.

– Да уж какое тут удовольствие, – кивнул Севка сочувственно. – Я второй день на голодный желудок...

– Так чего ж вы не сказали? – Крепыш достал из нагрудного кармана сухарь, отряхнул с него что-то и протянул Севке. – И знаю, что по уставу с собой жратву брать не положено, а ничего не могу поделать. А вы угощайтесь, товарищ младший политрук.

Поначалу товарищ младший политрук честно собирался оставить половину сухаря товарищу старшему лейтенанту. Вцепившись зубами в край пахнущего табаком ржаного сухаря,

Севка почти целую минуту старался не увлечься и остановиться на невидимой линии, разделявшей сухарь пополам.

А потом почти случайно сгрыз сухарь целиком. И лишь после этого в душе Севки шевельнулось что-то вроде угрызения совести. Шевельнулось, если честно, слабенько, почти незаметно.

В конце концов, там и одному было нечего грызть.

Севка слизнул с ладони приставшую крошку и оглянулся. Крепыш участливо и даже с сочувствием смотрел на него.

– Спасибо, – сказал Севка. – Товарищ...

– Так Малышев, старший сержант Иван Петрович Малышев.

– Спасибо, товарищ Малышев. – Севка вздохнул. – Неприятное получилось зрелище, наверное...

– Это как вы сухарь употребляли? Нормальное зрелище. Я уже второй раз в окружении. Первый раз от самой, считай, границы шел. Две недели. Кору жрал, траву. Лошадь на вторую неделю нашли убитую, с душком уже, так и ее схарчили. Вот там было зрелище это... неаппетитное. – Старший сержант присел на корточки, опершись на винтовку. – А только я вам скажу – ничего вкуснее той мертвечины я не ел. Ни до, ни, ясное дело, после. И знаете, товарищ младший политрук, до сих пор жалею... Вот понимаю, что сволочь я, что нельзя так, а жалею, что поделили мы остатки лошади на всех пятьдесят бойцов и командиров. По сколько там вышло на брата... Слезы одни. А через полчаса после обеда мы попали под минометный обстрел. И половина, считай, наших там осталась. Это ж на сколько больше я мог съесть мяса, если бы нас минометами накрыло не после лошади, а до нее...

Старший сержант сплюнул и укоризненно покачал головой.

– Странное человек животное, товарищ младший политрук, волк дикий и то понятнее, чем обыкновенный человек. И как я могу про других мнение иметь, коли я и о себе ничего толком не знаю? – Старший сержант оглянулся через плечо и встал. – Пришли к нам, товарищ младший политрук.

– Как тут у тебя дела, Залесский? – в полный голос спросил Орлов. – Все в порядке?

– Нормально. – Севка встал с земли, отряхнулся. – А у тебя что?

– А все у меня. В смысле, у нас с тобой все нормально. Очень даже хорошо у нас с тобой. Товарищ полковник все внимательно выслушал, вошел в наше положение и отпустил с миром. Вот, товарищ капитан вызвался тебя освободить из-под охраны... Правда, товарищ капитан?

Капитан Орлову не ответил, что-то негромко скомандовал Малышеву.

– Значит, до свидания, товарищ младший политрук! – сказал Малышев. – Может, свидимся еще...

Севка протянул руку, старший сержант пожал ее. Рукопожатие у старшего сержанта оказалось крепким и шершавым – ладонь была покрыта мозолями.

– Еще раз спасибо, – сказал Севка.

Капитан молча козырнул и ушел. Старший сержант помахал рукой и рысцей побежал вперед.

– Вот такие дела... – протянул Орлов, глянув на свои наручные часы. – Идти нам нужно, Сева. Шире, так сказать, шаг.

И они пошли вдоль оврага на восток. На спине Орлова теперь болталась не только винтовка, но и вещмешок.

Севка спросил, как оно все получилось, Орлов рассказал.

Вышло, что наскочили они на остатки штаба стрелковой дивизии во главе с командиром. Всего до полутора сотен штыков, правда, треть – писаря, водители, почтальоны с поварами, треть – молодняк, влившийся в дивизию только с неделю назад, а из тех, кто мог реально считаться полноценным бойцом, каждый третий был легко ранен.

Хорошо еще, что тяжелых не было в группе.

Полковник планировал рвать вдоль шоссе исходя из того, что так короче, Орлов спорить не стал, уловив в серых глазах полковника упрямый стальной блеск.

– Он как сквозь прицел на меня глядел. Того и гляди, нажмет на спуск. Я с ним разговариваю, а сам понимаю, что все, путешествие закончилось. Он меня поставит взводным к трем бойцам и сержанту, а тебя назначит от щедрот своих политруком роты из пятнадцати человек. И разрешит героически умереть, поднимая людей в атаку на пулемет, который легко можно было просто обойти.

– Он что – дурак?

– Отчего сразу дурак? Он не дурак, он испуганный. Его как в тридцать седьмом напугали, так до сих пор в себя прийти не может. И ведь больше не грозит ему расстрел, а все равно он с оглядкой думает, чтобы его ни на секунду, ни на мгновение не заподозрили в трусости или слабости. Я чистку застал взводным. – Орлов остановился, глянул на небо, на часы и свернул влево, прочь от оврага. – Если бы мне чуть меньше совести и чуть больше большевистской принципиальности, уже б, наверное, батальоном командовал. А то и полком. Или бы уже в расход пошел – либо от немцев, либо от своих. Командира роты, видишь ли, трудно обвинить в халатной подготовке к войне... Согласен?

– Не знаю, – ответил Севка. – Может, ты и прав...

– Я точно прав, товарищ младший политрук. Ты даже себе и не представляешь, насколько я прав. А ну, стой. – Орлов подошел к дереву и поманил Севку. – Ничего не слышишь?

Севка прислушался. Ничего.

То есть вдалеке снова начало рокотать, тяжело перекачивались за лесом каменные глыбы, но мозг уже отнес этот отдаленный шум к неопасному, и нужно было специально настроиться, чтобы его услышать.

– Ничего, – сказал Севка.

– Да нет же, слушай! – Орлов поднял палец, словно целясь в небо.

Еле слышное гудение. Подвывающее, какое-то неторопливое.

– Не двигайся! – приказал старший лейтенант. – А ведь я хотел сказать полковнику, чтобы они костры не жгли. Как раз ведь собрались завтракать... Твою мать!

Низко, почти над самыми деревьями, промелькнул темный распластанный силуэт. Севка успел разглядеть кресты на фюзеляже, отблеск солнца на кабине.

– Не повезло ребятам с командиром... – пробормотал Орлов. – Он сейчас сыпанет осколочных...

Загремели взрывы, один за другим, облака дыма, земля, обломки стволов взлетели к небу, будто какие-то страшные, уродливые деревья успевали вырасти, раскинуть ветки и рассыпаться в пыль за секунду, отведенную для их жизни взбесившимся лесом.

– Давай быстрее! – Старший лейтенант озабоченно посмотрел на часы. – Немцы сейчас могут сюда и пехоту двинуть, посмотреть, что получилось у летчиков. А до села тут недалеко.

Они пробежали еще с полкилометра, когда Орлов вдруг присел возле небольшого овражка и, сняв фуражку, заглянул в него.

– Что там? – спросил Севка.

– Ничего не видишь?

Севка присмотрелся: мелкий овраг, почти канава, уходящий в лес из-под самого корня узловатого, в три обхвата, дуба. Овражек был не больше метра в глубину, порос травой и низкой крапивой.

– Крапиву вижу.

– Это хорошо, это значит, я глазастый, а ты – нет. – Орлов подошел к дубу, осторожно посмотрел под его корни. – Точно, а так сразу и не скажешь... Иди сюда...

Севка подошел, заглянул туда, куда указывал Орлов. Овраг действительно начинался у дуба, только шел он значительно глубже под корни, образуя с ними что-то вроде пещерки.

– А посмотри-ка ты по сторонам, Сева. – Орлов сунул Севке в руку винтовку, положил вещмешок на землю, а сам, осторожно ставя ноги на выступающие корни, подошел к краю, опустился на колени и щучкой скользнул под дерево.

Неподалеку ударил пулемет. Севка прислушался, пытаясь определить направление. Пулемет бил длинными очередями с той стороны, где осталась группа окруженцев. Бил, бил, бил...

Нестройно трещали винтовочные выстрелы, несколько раз глухо рвануло, и снова ударил пулемет. К нему присоединился еще один, потом еще... Бой развернулся нешуточный, и Севке показалось, что грохот приближается, становится громче...

– Давай винтовку и «сидор»... – Из-под земли у самых корней дуба высунулась рука Орлова. – И сам сюда лезь, только смотри, не наследи и траву не мни. По корням, потом на живот...

В яме было сыро и темно. Севка упал на живот, не удержался и ткнулся в остро пахнущую землю лицом.

– Тут, думаю, отсидимся, – сказал Орлов. – Если ты не наследил...

– Я осторожно...

– И если у них не будет собак. Хотя какие собаки у наступающих частей в прифронтовой полосе?

– А чего немцы вообще в лес полезли? – Глаза Севки начали потихоньку привыкать к сумраку, он стал различать лицо Орлова, тонкие корни, свисавшие сверху, смог рассмотреть пещерку – углубление в земле два на полтора, высотой не больше метра, сужающееся к выходу в сторону оврага.

– Мало ли чего немцы в лес полезли? Может, у них задача построить тут аэродром? Или тут у них проходит важная линия связи. Генерал немецкий проснулся с утра, решил погонять личный состав по поводу своего плохого настроения. А тут – повара моего знакомого полковника костры зажгли, да не додумались их прикрыть... Или штаб дивизии немцы специально искали – черт их, немцев, знает... И если бы я не соврал, то сейчас бы нас накрыли с воздуха, а потом...

Рвануло где-то неподалеку, на голову Севки посыпалась земля.

– Так... Бой докатился сюда... – Орлов расстегнул кобуру, передернул затвор и навел пистолет на выход. – Ты бы тоже свой револьвер приготовил, что ли...

Севка торопливо достал оружие.

– Да ты не суетись, – тихо сказал Орлов. – Дай сюда «наган», двоим нам не развернуться, только мешать друг другу...

Сухо, с истерикой в звуке закричал рядом автомат.

– Немец, – прошептал Орлов. – Стоит, сука, над самым оврагом и лупит...

Ударил еще очередь, и пули застучали по земле на дне оврага.

Севка толкнул Орлова в плечо и протянул свой револьвер рукоятью вперед.

– Шнурними, дурила, – сквозь зубы процедил Орлов, не отрывая взгляда от входа. – Он овраг проверяет. Лишь бы гранату не бросил...

Прогремело несколько выстрелов одновременно.

– Вот это трехлинейки... Значит, немцу сейчас будет не до нас. Немец погонится за бойцами Красной армии... Побежал...

Старший лейтенант шумно выдохнул и опустил оружие.

– Вот, держи. – Севка наконец отцепил от рукоятки револьвера шнур и отдал его Орлову.

– Ага, хорошо... – Орлов прислонился плечом к стене пещеры. – Если бой продлится еще минут двадцать, то немцы сюда не вернутся.

– Может, нужно было вмешаться? – спросил Севка.

Ну не мог он не спросить, понимал, что толку от него в бою не было бы никакого, но ему очень важно было услышать это от Орлова, более старшего, опытного и, самое главное, местного. Из этого времени, обладающего знаниями и подчиняющегося логике этого времени и места. Очень не хотелось чувствовать себя трусом. И крутились перед мысленным взором картинки из сотен просмотренных фильмов, в которых вмешательство одного человека меняло судьбу боя, спасало положение и вообще...

– Может, и нужно, – негромко ответил Орлов. – Секунд на тридцать продолжили бы развлечение для господ немцев. Значит, вначале мы выскочили бы из-под земли, я расстрелял бы по-быстрому восемь патронов из «ТТ», ты – семь из «нагана», немцы дрогнули бы под таким ливнем пуль, потом врезали бы нам в ответ, и мы если бы не погибли на месте, то бросились бы бежать, спасая жизнь и прикидывая, где можно затаиться, чтобы не подохнуть случайно... что мы сейчас и делаем. Вообще, мы с тобой и так молодцы и вносим посильный вклад. Вчера мы уничтожили трех немцев и с десятков трусов и предателей. Если бы каждый боец и командир Красной армии совершил такой, в общем-то, пустяковый поступок, война бы уже закончилась...

– Наверное, – прошептал Севка. – Не знаю...

– Многого ты не знаешь, младший политрук! – засмеялся старший лейтенант. – Но ничего, держись меня – все будет нормально.

Севка лег на спину и закрыл глаза.

Выстрелов больше не было слышно, тишина была полная, голову словно набили ватой. Севке захотелось закричать, чтобы убедиться, что это действительно так тихо вокруг, а не он оглох.

– А что ты сказал полковнику, чтобы он нас отпустил? – спросил Севка просто для того, чтобы услышать свой голос.

– Сказал, что вывожу из окружения младшего политрука, сына одного из заместителей наркома обороны. И что не нужно, чтобы кто-то из бойцов видел его... то есть твое лицо. Черт с ним, с замнаркомовским сыном, если бы он погиб, товарищ полковник, а если в плен попадет? Вы себе можете представить, что немцы по этому поводу растреляют через газеты и по радио? Я полковника спросил, он задумался... тяжело так задумался, я уж испугался, что он предложит тебя просто пустить в расход, чтобы избежать мирового конфуза. Но полковник не зря был испуган тридцать седьмым. Отпустил и даже снабдил патронами, гранатами, харчами и водой. Ты, кстати, есть не хочешь?

– Не знаю... – ответил Севка.

В голове звенело.

– Может, выглянуть? – предложил Севка. – Посмотреть, где немцы...

– Зачем? А если они сидят рядом? Или раненый тут лежит и ждет, когда его свои подберут. А тут мы, как чертики из-под земли. Сиди уж, не дергайся. Дождемся ночи, а потом... Так ты есть хочешь? Я бы не отказался. – Орлов положил пистолет и револьвер на колени, развязал мешок и достал из него кирпичик хлеба. – Черствый, но есть можно. Еще кусок сала, лука-вица. Есть банка тушенки, но ее, пожалуй, оставим на завтра. Если тебе не трудно, сооруди по бутерброду...

– А нож?

– Нож. – Старший лейтенант вытащил из-за голенища нож и протянул его через плечо Севке. – Ты его об землю почисти, я вчера сразу не вытер от крови.

Севка взял нож, осторожно провел пальцами по лезвию.

– Давай-давай, – подбодрил его Орлов. – Желудок не казенный, кушать просит.

Севка несколько раз вогнал клинок в землю, потом вытер его о подол гимнастерки. Раз, другой.

– Ты там не особо старайся, – посоветовал Орлов. – Глаза не видят, сердце не болит. На «сидоре» режь. И достань из него флягу с водой – в горле пересохло.

Севка отдал флягу, осторожно, чтобы не выронить буханку, отрезал два куска. Развернул газетный пакет, отрезал по ломтику сала, положил на хлеб. Покрутил луковицу в руках.

– А лук?

– Что лук? Разрежь пополам. – Орлов отхлебнул из фляги, завинтил крышку. – Жаль, что не водка. Сейчас бы нервы поддержать было бы неплохо...

– Тебе горбушку?

– Мне, как старшему по званию и добытчику, горбушку. Лук разрежь.

Резкий запах лука заполнил пещерку, впился в глаза Севке.

– Хорошая штука, сало, да с лучком... – Орлов с хрустом откусил от своей половинки луковицы. – Хорошо. Ты ешь быстрее, нам еще одно дело решить нужно...

Расправившись с бутербродом, Севка сложил оставшиеся продукты в вещмешок. Запил еду водой из фляги и почувствовал себя почти сытым. И спокойным.

Это здорово, что судьба свела его с Орловым. Без него все могло уже закончиться. Лежал бы Севка Залесский где-нибудь в поле...

«А эта жизнерадостная мысль приходит в голову все чаще и чаще, как к себе домой, – подумал Севка. – Нужно с этим что-то делать. Думать нужно позитивно. Не мог погибнуть, а выжил. Выжил. И спасибо Даниле Орлову».

– Сева, а ну послушай, – тихо позвал Орлов.

– Что? – обмер Севка. – Немцы?

– Не пойму... – прошептал Орлов. – Ты послушай...

– Ничего... – сказал Севка после минуты молчания. – Тихо.

– Ты ближе сюда наклонись... Вроде как говорят... Не пойму – наши или немцы.

Севка повернулся головой к выходу, отодвинул в сторону вещмешок и на четвереньках подполз почти к самому выходу. Прислушался.

– Тихо все... – Севка хотел повернуться к Орлову, но не успел – что-то захлестнуло ему горло.

Севка захрипел, рванулся в сторону, но петля не ослабла. Махнув рукой наугад, Севка, кажется, попал Орлову по лицу.

Упав на бок, Севка попытался оттянуть кожаный ремешок, но пальцы не смогли залезть под него, ремешок врезался в кожу.

Севка пытался вырваться, пытался ударить Орлова, ему казалось, что борьба длится бесконечно долго, но на самом деле все закончилось через полминуты.

Темнота отделилась от стен пещеры, закружилась стремительным водоворотом перед глазами, затопила пещерку и, словно вода, хлынула Севке в мозг.

Еще через секунду, как показалось Севке, он открыл глаза.

Живой. И даже может дышать. Горло горит, легкие горят, перед глазами танцуют ярко-белые точки.

– Попытаешься кричать, – прозвучало над головой, – зарежу.

Севка хотел что-то ответить, но не смог – горло отказалось ему служить. Получился только хрип.

– Попей водички, – сказал Орлов, и горлышко фляги оказалось возле Севкиных губ.

Вода тонкой струйкой потекла в рот, несколько капель попали на подбородок и медленно стекли вниз, к горлу.

– Ты что... – выдавил из себя Севка, – с ума... с ума сошел?..

– Думаю, что нет. – Орлов завинтил флягу и положил ее на землю. – Думаю, что я нормальный. А ты, как я полагаю, рассчитывал нарваться на идиотов? На восточных варваров? На диких скифов?

– Ты о чем?

– О тебе, Сева, о тебе... Я давно хотел у тебя спросить: ты на самом деле младший политрук Красной армии?

– Да, – быстро ответил Сева.

Он даже подумать толком не успел, ответ вырвался сразу, без подготовки.

– Ага... – удовлетворенно протянул Орлов. – То есть я ошибся?

Сева попытался пошевелить руками или ногами, но и ноги, и руки были связаны.

– Ты ошибся, – сказал Сева.

– И ты можешь поклясться, что ты – офицер Красной армии? – Орлов подвинулся в глубь пещеры, чтобы видеть лицо Севки. – Скажи – да, я офицер Красной армии.

– Я офицер Красной армии, – как можно тверже выговорил Сева. – Я – офицер!

– Даже и не смешно, – с некоторым разочарованием проговорил Орлов. – Вот я тебя слушаю и все равно ничего не могу понять... Вот хоть убей – не понимаю. С одной стороны, вроде все нормально. И в бою ты не обгадился, и реагировал на пленных, скажем, поначалу правильно, по-комиссарски... Чуть в атаку не бросился, меня на глупость подбил... И жизнь мне спас. Мог просто сбежать, а нет – стрельбу открыл, троих убил. Вроде свой.

– Я свой, – как можно проникновеннее произнес Сева. – Свой.

– Ну да, офицер Красной армии, – кивнул Орлов. – Младший политрук. В газете работаешь дивизионной. Газета, кстати, как называлась?

Сева набрал воздух в легкие... Закрыв глаза. В кузове лежали газеты... Вверху листа была надпись.

– «За Родину!» – сказал Сева.

– «За Родину!» – повторил эхом Орлов. – Предположим. А дивизия какая?

– Я... Это... – Воздух комком застрял в горле у Севки. – Номер...

– Не помнишь... – протянул Орлов. – Странно выходит... Очень странно. Надо было мне у тебя все сразу выяснить, только как-то неловко допрашивать парня, которого только что спас. Некрасиво. А потом, когда сообразил, сразу и не поверил. Не складывается все до купы. Я ж при тебе вел разговоры, за которые любой, самый неопытный политработник на меня уже бы «наган» навел. Анекдот про троцкистов...

– Какие троцкисты... ты же мне жизнь спас. – Сева лихорадочно пытался сообразить, что придумать, как объяснить Орлову свое поведение. – Ну, мало ли, что ты мог говорить. Свои ведь.

– Офицеры, – подсказал Орлов.

За последние десять минут это, похоже, стало его самым любимым словом. Офицеры. Ну да, офицеры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.